

мелодрама

МЭДЛИН ХАНТЕР

Серцог-
утрямец

Мэдлин Хантер

Герцог-упрямец

Серия «Очарование (АСТ)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63460627

Герцог-упрямец: Издательство АСТ; М.; 2020

ISBN 978-5-17-119958-6

Аннотация

Все друзья Эрика Маршалла, герцога Brentworth, давно погрязли в семейном счастье, – но сам он твердо намерен и дальше гордиться званием неисправимого холостяка. И уж тем более не собирается падать жертвой чар какой-то молодой особы, которая якобы имеет права на его поместье.

Шотландская красавица Девина Маккаллум приехала в Лондон, чтобы просить королевской справедливости – возвращения ее семье несправедливо конфискованных земель. И самоуверенный герцог Brentworth, по ее мнению, точно не обеднеет, лишившись одного-единственного имения.

Эти двое обречены возненавидеть друг друга... или познать истину старинной мудрости: от ненависти до любви – один шаг!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	34
Глава 4	49
Глава 5	63
Глава 6	76
Глава 7	95
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Мэдлин Хантер

Герцог-упрямец

*Памяти Уоррена Арчера (1946–2018), мужа,
друга и героя, – с любовью*

Madeline Hunter
NEVER DENY A DUKE

© Madeline Hunter, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Глава 1

Девина потрогала шляпку, проверяя, под правильным ли углом она сидит, разгладила лайковые перчатки. В приемной дожидались еще двое: судя по одежде и манере держаться – оба джентльмены. Надо полагать, ей придется ждать долго – наверняка первыми примут их.

Приглашение принесли три дня назад, весьма впечатляющее: на кремовой бумаге с водяными знаками, написанное изысканным почерком и запечатанное восковой гербовой печатью. В нем предлагалось сегодня к часу дня явиться в Сент-Джеймский дворец и отдать приглашение пажу возле дверей в Гобеленовый зал. Этот молодой человек привел ее сюда и сказал ждать.

Ах какую суматоху вызвало это письмо! Мистер Хьюм, у которого она служила, захотел лично его прочитать, а затем почти целый час рассказывал ей, как нужно будет себя вести, что говорить, чего не говорить и как высказать угрозы, чтобы они не прозвучали слишком уж откровенно. Но Девина очень надеялась, что до этого не дойдет. У нее на коленях лежало письмо, полученное дедом из канцелярии королевского двора. И как только его увидят... О, наверняка все сразу будет исправлено.

Она взглянула на остальные бумаги: одна из них была написана отцовской рукой, и в ней он рассказал о наследстве

все, что знал. Отец отдал ей письмо, когда подхватил ту болезнь, что убила его. «Я доверяю все это тебе, хотя не знаю, какой из этого может выйти толк. И все же ты имеешь право знать». О, как ей хотелось, чтобы отец сейчас находился с ней рядом! Его неизменное спокойствие всегда придавало ей уверенности.

В приемной появился еще один паж, и тотчас подошел к ней. Обоим джентльменам это определенно не понравилось: они провожали Девину гневными взглядами, когда паж повел ее к выходу из приемной. Она очень старалась не нервничать: ведь если уж ты собираешься разговаривать с королем, то нельзя терять самообладание.

Паж привел ее в кабинет, расположенный недалеко от приемной. Там ее приветствовал какой-то мужчина и предложил сесть в обтянутое голубым шелком кресло, стоявшее у окна. Сам же он – с очень прямой спиной – опустился на деревянный стул и проговорил:

– Рад познакомиться с вами, мисс Маккаллум. Меня зовут Джонатан Хевершем. Я представитель двора.

Разумеется, он имел в виду двор короля. Возможно, он являлся там какой-то важной персоной, но возможно, и нет. Насколько она могла судить, мистер Хевершем был всего лишь очень постаревшим пажом. Ну, может, не очень, но уж точно не молодым. На вид ему было лет пятьдесят, его седые волосы изрядно поредели, а макушка совсем полысела. Темные же глаза с тяжелыми веками и широкий, но безвольный

подбородок создавали впечатление, что ему было неприятно иметь с ней дело.

– Ваша просьба об аудиенции получена, – сказал он.

– Я посылала и другие, – заметила девушка.

– Мне это известно, но, я уверен, вы в состоянии представить, насколько его величество занят. Однако он, будучи равнодушен к заботам своих подданных, попросил меня поговорить с вами.

Вот так-то... Значит, короля она не увидит. Ну что ж, по крайней мере с ней хоть кто-то поговорит.

– Как я объясняла в каждом из своих писем, у меня имеются доказательства, что после смерти моего прадеда его поместье забрала себе корона, – сказала Девина. – Я знаю, что во многих подобных случаях собственность позднее возвращали семье. У меня имеется письмо с обещанием короля, что он сделает то же самое и для нас. – Она протянула «пажу» сложенный вдвое листок пергамента. – Король, находясь в Эдинбурге, самолично сказал мне, что рассмотрит этот вопрос.

Развернув письмо, мистер Хевершем быстро пробежал глазами строчки и спросил:

– Что заставляет вас думать, что ваш дед являлся наследником этой собственности?

– Он сказал это моему отцу перед смертью.

Мистер Хевершем едва заметно улыбнулся.

– В подобных делах случались ошибки.

– Покойный король так не думал. – Девина указала на письмо, которое Хевершем все еще держал в руках.

– Покойный король временами заблуждался, – пробурчал «паж», нахмурившись. Девина же гадала: не собирался ли он объявить письмо подделкой? Впрочем, сделать это было бы сложно, потому что на нем имелась королевская печать. – А есть ли у вас какие-нибудь доказательства правомерности притязаний вашего деда?

– Я полагаю, они хранились у короля.

– Мы не нашли никаких свидетельств этому, – отрезал Хевершем.

Девина мысленно вздохнула. Она не могла гарантировать, что такие доказательства вообще существовали, поэтому не могла потребовать, чтобы их нашли.

– Король – этот король, то есть живущий сейчас – лично сказал мне, что займется этим делом и разберется в нем. Он тогда находился в Эдинбурге, и мне предоставили аудиенцию. Вас там не было, но я уверена, что он обо мне помнит, а если нет, то имеются другие... вроде вас, которые наверняка не забыли. Человек, который устроил мне эту аудиенцию, точно все помнит. «Уж доказательства этого у меня точно есть, так что не пытайся от меня отделаться», – мысленно добавила Девина.

Губы Хевершема сжались и сложились в складку – как у лягушки.

– Никто и не подвергает сомнению ту встречу, мисс Мак-

каллум. Мы действительно рассмотрим ваш вопрос. Собственно, уже начали. Отсюда и мое замечание насчет доказательств. Они нам потребуются. Короли не раздают земли на основании одних лишь голословных утверждений. Что же до этого, — он помахал письмом, которое все еще не выпускал из руки, — то оно будет фигурировать в финальном определении того, какое решение принять после предоставления доказательств.

Девина выхватила письмо и заявила:

— Я сохраню его у себя, если вы не против. Не хочу, чтобы и оно потерялось, как, я уверена, случилось здесь с тысячами других писем.

— Разумеется. Как пожелаете.

— Кроме того, я постараюсь обеспечить вас и другими доказательствами в поддержку тех, что присылались сюда много лет назад, — добавила девушка. — Я полна решимости разобраться с этим делом.

— Как и мы, заверяю вас. — Хевершем встал и протянул ей руку, помогая подняться. — Надеюсь, вы передадите герцогине наилучшие пожелания от его величества. Он был в восторге, получив ее письмо.

Девина очень в этом сомневалась. Но скорее всего только благодаря этому письму ее тут приняли. Если бы не герцогиня Страттон, вся поездка в Лондон оказалась бы пустой тратой времени.

«Паж» снова повел ее по коридорам и каким-то комнатам,

пока не привел в гостиную.

И никто тут не обратил на нее ни малейшего внимания. Несколько взглядов в ее сторону, а затем все отвернулись. «Слишком немодная, чтобы представлять хоть какое-то значение» – вот что говорили эти лица. Но ее это не волновало. Она пришла сюда не для того, чтобы произвести на кого-то впечатление. Она пришла за справедливостью – ради себя, отца и деда, которого никогда не видела.

Внезапно дверь отворилась, и в приемную вошел необычайно рослый мужчина.

Увидев его, Девина замерла. Появление этого человека лишь усилило ее тревогу. Высокий джентльмен вошел в приемную так, словно приходил сюда сотни раз (впрочем, вероятно, так оно и было). Ему вовсе не требовалось разглядывать обстановку этой просторной комнаты – как самой Девине, – более того, он дал знать о своем появлении безо всяких усилий. И все тотчас же его заметили. А некоторые леди даже перешли на другое место – чтобы заглянуть ему в лицо.

Он величественно возвышался над всеми, и по его осанке становилось понятно, что он весьма важная персона. Рассеянная же улыбка, игравшая на его губах, свидетельствовала скорее о терпимости, чем о дружелюбии. И казалось, что глаза этого джентльмена – скорее темно-серые, чем синие, – видели всех насквозь. В общем, было совершенно очевидно, что в приемной появился Эрик Маршалл – «идеальный герцог», как его называли.

Девину представили герцогу Брентворту несколько дней назад, на приеме в честь герцогини Страттон, наконец-то получившей лавры за свой труд в качестве патронессы «Парнаса», женского журнала, набиравшего популярность. Девину пригласили, потому что она писала эссе для журнала. Только по этой причине она была знакома с герцогиней и другими присутствовавшими там дамами. И почти все они были выше ее по своему социальному положению.

На том приеме герцог снизошел до короткого разговора с ней. Она же держалась весьма достойно. И воспользовалась возможностью оценить его, что совершенно необходимо, когда имеешь дело с тем, кто может оказаться твоим врагом. Когда они познакомились, Девина уже знала, что сегодня ей предстояла эта встреча, но надеялась на более благоприятный исход. Однако же... увы. И сейчас ей не хотелось разговаривать с герцогом.

Девина отвела взгляд от герцога и направилась в другой конец гостиной; ей требовалось хорошенько подумать о том, как найти доказательства своего права на наследство.

Брентворт редко получал требования явиться ко двору. Собственно, и сейчас это было не требование, а скорее приглашение – в той, конечно, степени, в какой короли приглашают, а не приказывают. *«Его величество будет рад принять вас завтра в два часа дня»*, – гласило послание.

Он вошел во дворец Сент-Джеймс без четверти два. Но

почему же король пожелал его увидеть? Ведь они с ним не очень-то ладили... И вообще король, в отличие от него, Эрика Маршалла, был дураком.

Возможно, это имело какое-то отношение к встрече, состоявшейся в этот же день, но раньше. Король мог узнать о возобновившихся попытках отменить рабство в колонии и пожелал высказать свои собственные взгляды на этот вопрос. Но что же у него за взгляды?.. Брентворт понятия об этом не имел. Нынешний король не очень-то интересовался политикой: он вообще мало чем интересовался, если речь не шла о его удовольствиях, – однако вполне возможно, что у него имелось собственное мнение. Ведь у большинства людей оно имелось – даже если они почти ничего не знали об этой проблеме.

Сегодня официального приема не было, поэтому и людей в приемной собралось совсем немного, не более двадцати человек.

Брентворт не стал представляться пажам – они и так его прекрасно знали. Как только он появился, один из них торпливо пересек комнату и вышел в дверь, ведущую в кабинеты.

Брентворт же остался в приемной; он дожидался либо самого короля, либо кого-нибудь, кто проводил бы его туда, где сейчас бездельничал монарх. И тут заметил молодую женщину в скромном голубом платье. Герцог тотчас узнал в ней мисс Маккаллум – писательницу, интересовавшуюся меди-

циной. Она произвела на него огромное впечатление своим умением постоять за себя, общаясь с аристократами. Brentworth не мог не отметить, что во время их короткой беседы ее ничуть не впечатлили ни его титул, ни положение в обществе. А ведь такого не случалось почти никогда, в особенности – когда он общался с женщинами. Большинство пэров на его месте пришли бы в раздражение, а его эта женщина заинтриговала...

Шляпка почти скрывала ее белокурые, коротко обрезанные волосы, но все же эта стрижка была заметна, несмотря на все попытки девушки спрятать ее. Brentworth пришел к выводу, что интерес к медицине возник у нее в результате какой-то серьезной болезни, во время которой ей пришлось обрезать волосы, – ведь при высокой температуре длинные очень мешают.

И сейчас, в этой приемной, она выглядела совершенно неуместной. К тому же, казалось, она была чем-то расстроена.

– Мисс Маккаллум, какой приятный сюрприз... – сказал герцог с улыбкой.

Девушка резко остановилась – и замерла, а затем присела в реверансе.

– Добрый день, ваша светлость.

– Вам нездоровится? – спросил Brentworth. – Или вас что-то беспокоит?

Она оглянулась на дверь, ведущую в длинный извилистый

коридор со множеством кабинетов.

– Я просто расстроена тем, что к моему делу тут отнеслись весьма легкомысленно.

– У вас есть дело при дворе?

– Да, милорд, однако думаю, что вряд ли его когда-нибудь рассмотрят как должно. Сегодня я это поняла, – добавила девушка со вздохом. Было очевидно, что в душе ее отчаяние боролось с гневом.

– Неужели все так серьезно? – осведомился герцог.

Гнев явно победил, и мисс Маккаллум заявила:

– Вы полагаете, я похожа на женщину, которая будет отнимать у кого-то время ради пустяковых дел?

– Разумеется, нет, – ответил Брентворт, отводя девушку в сторону. – Если вас тут каким-то образом оскорбили, дайте мне знать. Я позабочусь о том, чтобы ничего подобного больше не случилось.

– Нет, не оскорбили... От меня просто отмахнулись... Как от человека, не достойного справедливости. – Девушка со вздохом оглядела свое скромное голубое платье и темно-синий жакет. – А будь я одета, как... – она кивнула на болтавших неподалеку дам, – как они, то это, наверное, помогло бы.

«Может, и так», – мысленно согласился герцог и проговорил:

– Вовсе нет, вы выглядите чудесно. – Сейчас эта девушка понравилась ему еще больше, чем во время их знакомства на приеме у герцогини Страттон. – Скажите, мисс Маккаллум,

я могу чем-нибудь вам помочь?

Казалось, ее очень озадачили эти его слова. Она склонила голову к плечу, словно обдумывая, чем он и впрямь мог бы ей помочь, но затем вдруг сказала:

– Благодарю вас, милорд, но это дело личное. Помочь мне может только король, но я боюсь, что он этого не сделает. И сейчас мне нужно решить, смириться ли с этим или продолжить бороться.

– Если вы в своем праве – не опускайте руки. Поверьте, главное – настойчивость. И если вы будете настойчивы, то сможете преуспеть.

Девина невольно вздохнула. Ах как гладко все это прозвучало! Хотя сам герцог Брентворт не верил ни единому своему слову. Все эти люди надежно предадут забвению ее дело, если решат, что так будет лучше для их хозяина.

– Вы правы, милорд, – кивнула девушка. – Ваш совет принят. Я все еще могу собрать доказательства, которые требуются, чтобы привлечь его внимание.

Дверь в противоположном конце комнаты распахнулась, и появилась лысая макушка. Заметив это, мисс Маккаллум сказала:

– Я должна идти, ваша светлость. Не хочу снова видеть этого человека, пока не буду готова.

Она торопливо присела в реверансе и исчезла.

Лысый же пересек комнату и, остановившись прямо перед Брентвортом, изрек:

– Ваша светлость, спасибо, что пришли.

Эрик прекрасно знал Хевершема – тот находился в свите короля не один десяток лет. Завидев его, герцог всякий раз вспоминал шекспировского «Юлия Цезаря»: «А Кассий тощ, в глазах голодный блеск <...>. Хочу я видеть в свите только тучных»¹.

– Меня призвал мой государь. Во всяком случае, я так думал, – отвечал герцог.

– Я писал по его распоряжению, – Хевершем покраснел, – но сегодня он попросил меня говорить от его имени.

– Я не привык, чтобы кто-нибудь, пусть даже сам король, отделивался от меня при помощи клерка, – заявил Эрик.

– Отделивался? О боже, нет-нет. Просто я проведу предварительную работу, если можно так выразиться. Объясню вам кое-что. И тогда потом, когда вы встретитесь с его величеством, вам не придется ожидать его объяснений, которые могут оказаться... менее четкими. – Клерк кашлянул и добавил: – Вы ведь меня понимаете, не так ли?

И Брентворт действительно понимал. Королю потребуется час, чтобы сказать то, на что у Хевершема уйдет десять минут.

– По крайней мере, вы не настолько тупы, чтобы тянуть с объяснениями, – проворчал герцог.

– Да-да, милорд, разумеется! Право же, лучше всего, если мы поговорим наедине, прежде чем... то есть я хочу ска-

---

¹ Перевод М. Зенкевича. – *Примеч. ред.*

зять, что данный вопрос некоторым образом ставит его величество в неловкое положение, и он предпочитает, чтобы я... Если вы присядете со мной вон там, я постараюсь вам все объяснить.

Под «вон там» имелись в виду два кресла, стоявшие позади статуи, и разговор в этом месте означал некоторую приватность. Брентворт плюхнулся в одно из кресел, и Хевершем тотчас же приступил к объяснениям:

– Как вам известно, после восстания якобитов многие шотландские аристократы были лишены титулов и имущественных прав. У некоторых после этого отняли земли. В отдельных случаях владения скончавшихся феодальных баронов вернулись короне ввиду отсутствия наследников или потомков. В этих случаях официальной конфискации не производилось.

– Но все это уладилось поколение назад, – заметил герцог.

– Да, верно, но... Время от времени мы все еще получаем прошения с просьбой заново рассмотреть дело, касающееся того или иного поместья. Некоторые утверждают, что являются потомками кого-то из тех баронов, и эти люди желают получить обратно свои земли. Как правило, это шарлатаны, авантюристы... – Хевершем издал презрительный смешок. – И, увы, подобное случается гораздо чаще, чем вы можете вообразить. Некоторые обращаются к королю даже после того, как Геральдическая палата отказывает им в удовлетворении их требований. У нас составлено письмо с предупреждением

ем о возможном штрафе или тюремном заключении, которое направляется каждому из таких просителей. Как правило, этого бывает достаточно.

– А если недостаточно?

– С ними разбираюсь я. Это дольше, но в конечном итоге уходят и они.

– Прекрасно. Но какое отношение все это имеет ко мне? И почему мне пришлось явиться сюда сегодня?

Хевершем, казалось, искренне удивился.

– О, я думал, вы знаете... Что ж, все это и впрямь довольно неловко... Видите ли, недавно объявился очередной такой потомок. Но беда в том, что у него имеется письмо от предыдущего короля, полностью подтверждающее выдвинутые требования.

– И что же?..

– Дело в том, что это письмо не подлог, оно с подписью и печатью. То есть этот потомок – действительно потомок, и ему обещано, что поместье будет возвращено. Хотя... Разумеется, в то время старый король уже сошел с ума. Кто знает, что он мог понаписать? Однако письмо существует.

– Вам требуется мой совет? Ради этого меня сюда и позвали? Я думаю, вам следует...

– Со всем моим уважением, ваша светлость, пригласили вас не для этого. Когда я вошел и увидел вас, то решил, что вы все знаете. Вы разговаривали с Девинной Маккаллум. Она и есть тот претендент, о котором идет речь. Она настаивает

на еще одной аудиенции у короля, чтобы обсудить вопрос. Мне поручено проследить, чтобы этого не произошло.

– Вы сказали, еще одной аудиенции?

– Да, милорд. С сожалением должен признать, что они с королем уже встречались в Эдинбурге.

– Но если пятиминутная аудиенция ее успокоит, то я не вижу причин...

– С сожалением вынужден сообщить, что в дополнение к письму от предыдущего короля она заручилась обещанием, полученным в Эдинбурге от нынешнего. Вся эта история может оказаться весьма ощутимым затруднением для его величества. Очень значительным. Жизненно важно, чтобы об этой истории даже не упоминалось.

Эрику хотелось рассмеяться. Выходит, Девина Маккаллум вынудила короля Великобритании прятаться, чтобы избежать встречи с ней. Его мнение об этой женщине еще более возросло.

– Хевершем, все это очень интересно, даже занимательно. Однако я сожалею, что не знаю леди достаточно хорошо и не могу повлиять на нее. – Герцог встал. – Мой совет королю: пусть вернет ей эти земли. Так будет гораздо проще.

Хевершем тоже поднялся.

– Милорд, вы прочитали мои мысли. Но дело в том, что существует одна проблема... Видите ли, у этого поместья уже имеется владелец, и вряд ли он согласится с ним расстаться.

Герцог с облегчением вздохнул. Наконец-то добрались до главного!

– Хорошо, Хевершем, я поговорю с ним от имени короля, если это то, чего вы от меня хотите. Кто он, этот владелец?

Хевершем облизнул губы, робко улыбнулся и произнес с дрожью в голосе:

– Вы, милорд.

Глава 2

Ближе к вечеру Девина вошла в дом на Бедфорд-сквер, служивший резиденцией клубу «Парнас». В клуб, созданный герцогиней Страттон, принимались только женщины. Девину приняли месяц назад, когда она приехала в Лондон на встречу с миссис Галбрет, редактором журнала, купившего две ее статьи.

Этот клуб требовал рекомендации для вступления и платы за членство, однако Девину приняли в порядке благотворительности (разумеется, миссис Галбрет ничего такого не сказала), а само членство оказалось весьма демократичным. Хотя там было немало знатных дам, зашедших, чтобы отдохнуть и расслабиться в салоне или же поиграть в карты в специально выделенной для этого комнате, некоторые женщины вообще не относились к аристократии.

А еще несколько таких, как, например, казначей клуба, теперь стали важными леди, хотя и не являлись ими. В результате Девина и женщина, родившаяся просто Амандой Уэверли, а теперь ставшая герцогиней Лэнгфорд, крепко подружились.

Когда Девина вошла, Аманда сидела в библиотеке за письменным столом, склонив над пером темноволосую голову. Поверх роскошного платья цвета амариллиса она повязала простенький льняной передник.

– Разбираешься со счетами? – спросила Девина. – Или пишешь письмо?

Аманда подняла голову и с улыбкой ответила:

– Сейчас – счета.

– Тебе не хочется работать в кабинете?

– Вообще-то кабинет мне очень даже нравится... – Аманда глянула в сторону, где около камина сидели три женщины. – Но еще больше мне нравятся сплетни миссис Бэкон. Отсюда я могу подслушивать.

– Ох, бесстыдница! Ладно, не буду мешать. Однако на приеме я тоже кое-что подслушала. Герцогиня Страттон говорила, что зайдет сегодня, чтобы повидаться с миссис Галбрет. Она приходила?

– Она сейчас в ее комнате.

– А герцогиня обычно уходит сразу после беседы? Или остается на время?

Аманда вставила перо в держатель и с улыбкой спросила:

– А почему ты спрашиваешь? Хочешь с ней поговорить?

– Ну, я подумала... Подумала, что если я с ней поздороваюсь, проходя мимо, то, может быть, получится обменяться еще несколькими словами. Ведь так же?

Аманда еще шире улыбнулась:

– Знаешь, у меня есть идея получше. Когда она спустится вниз, я скажу ей, что ты хочешь с ней поговорить.

– Я не хочу навязываться... – со вздохом ответила Девина.

И мысленно добавила: «Опять». Потому что однажды

уже навязалась, когда попросила леди Страттон написать то письмо королю.

– Не думаю, что она так это воспримет, – ответила Аманда. – Я же так не решила, когда ты обратилась ко мне.

«Это совсем другое», – подумала Девина. Аманда же посмотрела на нее внимательно и с усмешкой проговорила:

– Не беспокойся, она тебя не съест. Я уверена, ее очень заинтересует то, что ты хочешь ей сказать. – Она склонила голову к плечу и посмотрела на дверь. – О, я слышу, что они уже спускаются...

С лестницы донеслись женские голоса, и через несколько секунд в библиотеку вошли две дамы.

– После собрания во вторник проголосуем, – сказала герцогиня своей собеседнице, затем, заметив Девину, проговорила: – Я так рада, что вы стали приходить в наш клуб, мисс Маккаллум. Мне нравится думать, что вы обрели тут убежище.

– Так и есть, ваша светлость. Клуб находится недалеко от моего здешнего обиталища, поэтому, закончив выполнять свои обязанности, я могу в любой день позволить себе насладиться тут покоем.

– Я говорила ей, что она должна походить по книжным лавкам и выбрать несколько медицинских справочников и брошюр для нашей библиотеки, – заметила миссис Галбрет.

Миссис Галбрет, изящная элегантная блондинка, являлась не только редактором «Парнаса», но и управляющей

клубом.

– Сегодня она пришла, потому что хочет поговорить с вами, Клара, – сказала Аманда.

– Правда? Тогда давайте найдем укромный уголок. – Герцогиня осмотрелась и, заметив трех женщин, устроившихся у камина, тихо сказала: – Пойдемте-ка в столовую, чтобы нас случайно не подслушали.

Аманда вспыхнула, уловив намек на то, что все сидевшие здесь подслушивали. Она снова склонилась над счетами. Девина же следом за герцогиней вышла из библиотеки и направилась в столовую. Впрочем, именовали эту комнату так совершенно напрасно, потому что ее очень редко использовали для трапез, гораздо чаще – для игры в карты. В основном тут женщины играли на деньги в «вист», но как-то раз Девина видела дам, игравших в «двадцать одно».

Герцогиня села за дальний столик у двери, ведущей в небольшой садик, и пригласила Девину сесть рядом.

– Как уже говорила вам на прошлой неделе, я приехала в Лондон не просто так, – начала Девина. – Вовсе не для того, чтобы стать гувернанткой или же...

– Вы хотели поговорить с королем о каком-то важном деле, – перебила герцогиня. – О деле, касающемся вашей семьи, относительно которого король дал свое обещание. Получилось?

– Сегодня меня пригласили во дворец благодаря вашему письму. Сомневаюсь, чтобы без вашего влияния это ко-

гда-нибудь случилось бы.

– Это влияние не мое, а моего отца, чья тень всегда стоит у меня за плечом. Ко мне же король никакой любви не испытывает. Однако приятно знать, что у меня все еще имеется какое-никакое влияние, пусть даже совсем незначительное. И я рада, что вы добились аудиенции.

– Добилась, но не у короля. Со мной встретился Хевершем.

Герцогиня со вздохом улыбнулась.

– Да, не так-то просто встретиться с королем, особенно – с этим. Вы получили такой отпор, потому что он не желает слышать напоминаний о своих обещаниях.

– Полагаю, что так, – кивнула Девина.

– Вы говорили, что встречались с ним на обеде во время празднеств в Эдинбурге. Он был нетрезв? Хм... глупый вопрос. Конечно, был! А тут вы, привлекательная молодая женщина, и он согласился помочь вам, желая проявить любезность, а может, и рассчитывая на большее... Ой, не думайте, что вы обязаны мне все это рассказать. Его привычки хорошо известны, и то, что он падкий на красивых молодых леди, – знают все. – Герцогиня помолчала. – Могу я спросить вас, о чем идет речь? На прошлой неделе вы мне ничего не рассказали, и я не стала настаивать, но...

– Речь идет о наследстве, о деле, которое игнорировалось очень долго. Видите ли, отец короля тоже согласился исправить положение, но затем сошел с ума, и поэтому...

– Выходит, два короля пообещали вам помочь – и ничего не сделали? Это совершенно неприемлемо. И ведь ясно: те-перешний боится, что вы сделаете его всеобщим посмеши-щем – из-за неумения держать слово и из-за того, что он не чтит обещания своего отца.

Девина молча кивнула.

Именно так сказал и ее наниматель мистер Хьюм. «Ва-ше главное оружие – сплетня, которая выставит его в непри-глядном свете».

Герцогиня еще несколько минут размышляла, потом про-говорила:

– Я думаю, скоро дворец даст о себе знать. Думаю, там либо решат дело к вашему удовлетворению, либо попытают-ся каким-то образом откупиться от вас. Вы должны решить, готовы ли допустить это, а если да, то какую цену имеет для вас это наследство.

– Почему вы думаете, что такое случится?

– Ну... потому что я поступила бы именно так, столкнув-шись с вашей решимостью.

«Наверное, это комплимент», – подумала Девина. Интере-сно, увидел ли в ней Хевершем то, что разглядела герцо-гиня?

– Надеюсь, вы правы, миледи. – Она встала, собираясь уходить. – Благодарю вас за то, что помогли открыть мне двери дворца. Надеюсь, я была не слишком дерзкой, обра-тившись к вам за помощью.

Герцогиня засмеялась:

– Вы были в высшей степени дерзкой. Но так случилось, что именно дерзость нравится мне в женщинах.

– Я рада этому... и очень вам благодарна, – пробормотала девушка.

Герцогиня тоже встала.

– Дайте мне знать, как ваши дела. Возможно, однажды вы расскажете все про это наследство. Думаю, это очень интересная история.

Эрик вытянул ноги и уставился в свой бокал, наполненный густой красной жидкостью. Двое его друзей, герцог Страттон и герцог Лэнгфорд, уже прикончили свои порции. Минут через десять пора будет возвращаться к дамам.

– Хорошо, что вы пришли, – произнес Лэнгфорд.

– Конечно, мы пришли. Скромный обед – превосходная возможность для твоей жены проверить на прочность свои новые крылышки, – отозвался Страттон.

– На следующий можешь пригласить побольше гостей, – заметил Эрик и сделал глоток портвейна. – Этот прошел хорошо, а все званые обеды, по сути, одинаковы за исключением числа стульев.

Это был, наверное, самый скромный из всех возможных званых обедов – на нем присутствовали всего три пары. И это была первая попытка бывшей Аманды Уэверли принимать гостей. Конечно, ей бы не помешало несколько подска-

зок при составлении меню, но повар поможет поднатореть в этом деле. Или одна из леди. Клара, например, жена Страттона, непременно объяснит ей, что к чему, если решит, что это необходимо.

— Я говорил жене, что гостей совсем мало, но она так нервничала... Что ж, разумеется, ее никто к этому не готовил. — Лэнгфорд запустил пальцы в свои темные кудри, что делал всегда, когда его что-то беспокоило.

Эрик знал, что друга не волновало, хорошо прошел обед или нет, а вот его жену это очень волновало, поэтому он и беспокоился.

— Пусть следующая попытка будет послеобеденным приемом, — предложил Брентворт. — Своего рода салоном... еще одним для того журнала.

Таким образом он высказал то, что было у него на уме, поскольку последние несколько дней он почти постоянно думал о некоей эссеистке, писавшей для того журнала. Девина Маккаллум, оказывается, замышляла отнять одно из его помещений. Что ж, если так, то в конце этой интриги ее ждала кое-какая расплата...

— Хорошо, что и ты пришел, Брентворт, — сказал Страттон, многозначительно взглянув на приятеля.

Хорошо? Эрик мысленно усмехнулся. Да его присутствие было просто необходимо! Журнал этот казался весьма спорным, и Клара, заявив, что она его владелица, неизбежно станет объектом критики. Да, конечно, и Страттон, и его жена

– оба они привыкли к конфликтам и даже скандалам, однако долг друга смягчить все это, если получится, и Эрик знал, что кое-что сумеет для этого сделать.

– Мне этот журнал понравился, – сказал он, хотя это было явным преувеличением. – Я даже взял один из номеров домой и прочитал. Леди Фарнсуорт не сдерживает темперамент в своих статьях, но я от нее этого и не ожидал. Историческое эссе написано очень хорошо, хотя я никогда не слышал об авторе. И вклад мисс Маккаллум тоже... весьма интересен.

Да, весьма интересен... Приходилось признать, что у этой дамы талант.

– Аманда говорит, что она очень интересная женщина, так что, думаю, и статьи ее должны быть интересны, – заметил Лэнгфорд.

– Ты знаком с ней лично? – спросил Эрик.

Лэнгфорд помотал головой, налил себе еще портвейна и передал бутылку Страттону. Некоторое время помолчав, сообщил:

– Я немного поговорил с ней на приеме. Зато Аманда с ней подружилась. Я удивился, узнав, что она родом из Эдинбурга. Ничего шотландского в ее речи нет. Впрочем, Аманда сказала, что в детстве она жила в Нортумберленде.

– В ее эссе сочетаются описания путешественника и советы доктора. Да только она, конечно, не доктор, – пробормотал Брентворт.

– Аманда говорила, что ее отец был доктором. Летом она ездила с ним лечить людей в неблагополучных районах.

– Значит, помощница доктора, – произнес Страттон, пожав плечами.

– Да, похоже на то, – согласился Лэнгфорд. – Думаю, теперь, когда ее отца не стало, она сможет продолжить его дело.

– Но ведь она-то сама не доктор... – пробормотал Brentworth.

– Лучше кто-нибудь, кто хоть что-то знает о медицине, чем специалист, не знающий ничего. Вероятно, так на это смотрят те, кого она лечит, – заметил Страттон.

– Да она и не сможет продолжать дело отца. Мне говорили, она гувернантка, – сказал Brentworth, вспомнив то, что сообщил ему Хевершем.

– Она занялась этим совсем недавно, как раз перед тем, как приехала в Лондон. Подписала договор с Хьюмом на месяц или около того.

– С Хьюмом? С этим радикалом?

– Да, с ним. Но он считает, что нанял для дочери не гувернантку, а учительницу, – продолжил Лэнгфорд. – Мисс Маккаллум отвечает за преподавание его дочери целого ряда академических предметов. Этим она занималась и в Эдинбурге. Не гувернанткой служила.

Бrentworth вспомнил о ее статье в журнале.

– Полагаю, Девина Маккаллум тоже может оказаться ра-

дикалкой. – Немного подумав, проворчал: – Это бы многое объяснило; возможно, ею движет не жадность, а другие побуждающие стимулы. Начать с того, что она не произвела на него впечатления человека, готового на мошенничество ради собственного обогащения. Но вернуть шотландские земли... Что же это, если не мошенничество?

– Почему ты так говоришь? – Лэнгфорд пожал плечами. – Ведь мой учитель не перенял политические взгляды моего отца. Так с чего бы ей вдруг перенимать взгляды Хьюма?

– Я не думаю, что она что-то у него переняла. Полагаю, она знакома с ним лишь потому, что оба они солидарны в своем отношении к одному и тому же вопросу.

– Вопросу? В единственном числе? – пробормотал Страттон. – Полагаю, ты имеешь в виду шотландское дело. Я думаю, можно с уверенностью сказать, что после казней в двадцатых об этой истории нужно забыть.

– Аманда говорит, что у ее новой подруги нет вовсе никаких политических взглядов, – сообщил Лэнгфорд.

– Но в ее статье описывается путешествие на восток от Глазго, где был эпицентр всех тягостных событий, – возразил Брентворт. – А ее пациенткой была жена тамошнего ткача. Она упоминает о его прискорбном отсутствии дома в течение последних нескольких лет и о судебных процессах. Возможно, он был одним из перемещенных.

– И что, это имеет какое-то значение? Сомневаюсь, что она приехала в Лондон, чтобы кого-то убить, – с усмешкой

сказал Страттон.

«Нет, она приехала в Лондон, чтобы украсть сотни акров моего наследства», – подумал Brentworth, стиснув зубы.

Лэнгфорд пристально посмотрел на него, и Brentworth мысленно поежился. С большинством других он бы не сомневался, что ничем себя не выдал, но друг слишком хорошо его знал и ухмыльнулся – точно сам дьявол, – и в его голубых глазах заплясали смешинки.

– На самом деле тебе плевать на ее политические взгляды, – заявил он. – Ты просто ищешь предлог интересоваться ею.

Брови Страттона взлетели на лоб, и он тоже уставился на Brentworth.

– Чушь, – отрезал тот. – Ты даже не представляешь, насколько ошибаешься. Твоя безрассудная одержимость собственной женой заставляет тебя думать, что все мужчины такие же идиоты, как ты, Лэнгфорд. Я не испытываю ни малейшего интереса к избыточно хладнокровным шотландским женщинам, получившим весьма своеобразное образование и воспитание. А теперь... Не пора ли нам присоединиться к дамам?

– Избыточно хладнокровная? Вот как? Да ты уже потратил больше времени на изучение ее характера, чем на большинство других женщин вместе взятых. – С самоуверенной улыбкой триумфатора Лэнгфорд поднялся и направился к двери.

«Действительно потратил, но вовсе не по той причине, какую предположил Лэнгфорд», – мысленно проворчал Брентворт.

Глава 3

Дом на Сент-Эннз-лейн в Чипсайде вовсе не казался большим, но лондонские дома могут сильно удивить. Некоторые из них, на вид узкие, с заднего фасада иногда растягивались на целый квартал. «Но вряд ли этот», – подумал Эрик Маршалл, герцог Brentworth. В конце концов, этот дом снимал всего лишь член парламента, причем не такой уж богатый.

Впрочем, вполне возможно, что дом был достаточно удобный для самого Ангуса Хьюма. И, конечно же, его частенько посещали всевозможные радикалы.

Эрик поднялся на несколько ступеней и, постучав, протянул свою визитную карточку открывшей дверь служанке.

– Я с визитом к мисс Маккаллум, – сообщил герцог.

Служанка замялась, взяв визитку. Ее веснушчатое лицо под оборкой белого чепчика зарделось. Окончательно сконфузившись, она пригласила гостя в небольшую комнату, расположенную у входа, и поспешно удалилась.

Судя по всему, эта комната была библиотекой, окна которой выходили на улицу, а удобная мебель сулила уют и комфорт. Эрик полистал кое-какие книги, а затем подумал: «Интересно, принадлежат ли они Хьюму или прилагаются к дому?»

– Ваша светлость, ваш визит – большая честь для нас, – послышался голос, но не женский.

Проклятье!

Повернувшись, Эрик увидел стоявшего в дверях Хьюма. У этого человека была артистическая внешность и длинные, до плеч, рыжеватые волосы – весьма необычная прическа. Впрочем, одет он был вполне современно, так что Эрику, по крайней мере, не пришлось любоваться каким-нибудь экзотическим тюрбаном или мантией.

Ему не нравился Хьюм – и вовсе не потому, что этот человек был якобитом, заигрывавшим с мятежниками и осуждавшим союз Шотландии и Англии. Ведь существуют разные радикалы. Этот же относился к тем, которые желали разрушить все устои. Однажды он заявил, что единственный способ добиться необходимых перемен – отправить в изгнание всех аристократов. Из частных источников было известно, что он с удовольствием рассуждал о том, как гильотина справилась с этой проблемой во Франции.

– Рад вас видеть, Хьюм. Выглядите крепким и здоровым.

«К тому же на редкость самодовольным», – мысленно добавил Эрик. Как и большинство жилистых мужчин, Хьюм всегда производил впечатление человека, обладавшего неистощимой энергией: казалось, он вот-вот взорвется от ее избытка.

И очень возможно, что чертов якобит знал о притязаниях мисс Маккаллум. Если Хевершем об этом узнает, его хватит апоплексический удар.

– Рад сообщить, что я здоров как бык, – отозвался Хьюм. –

Экономка сказала, что вы хотите видеть Девину... то есть мисс Маккаллум.

Фамильярность была явно не случайной оговоркой, но что она означала?

– Да, верно, – кивнул герцог. – Она дома?

– Мисс Маккаллум в классной комнате с моей дочерью. Обычно она занимается с ней до двух часов.

– Сейчас час тридцать. Возможно, на этот раз вы позволите ей закончить раньше, хотя, если потребуется, я подожду.

– Нет-нет, это недопустимо. Когда герцог снисходит до визита, его желания должны выполняться. Я уже попросил экономку сообщить мисс Маккаллум о вашем появлении.

– Очень мило с вашей стороны.

Хьюм бесцельно походил по комнате, разглядывая мебель так, словно увидел ее впервые.

– Могу я узнать, зачем вы пришли? – спросил он наконец.

– Нет. – Герцог решительно покачал головой.

– Видите ли, милорд, я несу ответственность за мисс Маккаллум. Могу я хотя бы спросить, светский ли это визит?

– Это частное дело.

– А... понятно. Думаю, вы с ней уже встречались, – сказал Хьюм, немного помолчав. – Не сомневаюсь, что ваше представление о ней совпадает с моим собственным. Она женщина очень целеустремленная. И волевая. Ее не так-то легко запугать.

– Как вам не повезло иметь прислугу с таким характе-

ром...

– О, она куда больше, чем прислуга. Мы приняли ее в семью. Она одна из нас.

С этими словами Хьюм пристально посмотрел на визитера, и Эрику оставалось только гадать, что именно он хотел этим сказать.

– Я уверен, что она высоко ценит свою удачу, – заметил герцог.

Хьюм с улыбкой пожал плечами:

– Что ж, есть удача, а еще есть огромная удачная удача, верно, милорд?

Эрик промолчал. Он очень надеялся, что мисс Маккаллум вскоре появится и ему не придется выслушивать все соображения Хьюма об удаче. А тот вдруг вновь заговорил:

– Ох, как я невнимателен... Позвольте, я попрошу миссис Моффет принести нам что-нибудь освежающее. – Он направился к двери, чтобы позвать экономку. – Я и мою матушку приглашу, чтобы смогла вас поприветствовать.

Эрик не хотел ничего освежающего. Ему не терпелось как можно быстрее уйти из этого дома, где, вне всяких сомнений, было вполне достаточно подслушивающих ушей.

– Прошу вас, не надо, – ответил он. – Это деловой визит, и я не желаю потревожить ваших близких. Я подожду в саду. День сегодня ясный.

– Да, разумеется. Я вас провожу.

Девина посмотрела в зеркало и застонала. О, безнадежно!..

Она успела переодеться в приличное платье, но оно все равно вряд ли подходило для того, чтобы принимать герцога. Впрочем, это беспокоило ее куда меньше, чем волосы. Они волнами падали по обеим сторонам лица, слегка касаясь подбородка. Что ж, выглядело почти модно. Но, к несчастью, они кудрявились по всей ее голове и никак не собирались в узел на макушке.

Девина нахмурилась, глядя на свое отражение. И дело во все не в том, что ей не нравилась собственная внешность. Она кипела от негодования из-за идиотизма лекаря, обрезавшего ей волосы. Если бы сэр Корнелий прибыл вовремя, шарлатану, приглашенному ее домовладелицей в Эдинбурге, не удалось бы это сделать. Сэр Корнелий был настоящим ученым, и он-то знал, что старинная практика обрезать пациенту волосы при сильном жаре вовсе не помогает так, как помогает прохладный компресс.

– Вы же живы, так? – рявкнул шарлатан, когда она пожаловалась после того, как жар спал.

Да, жива, но болезнь нанесла серьезный урон ее лицу, весу, волосам... и даже мироощущению. Она заболела девочкой, а вынырнула из болезни женщиной.

Именно ее она сейчас и видела в зеркале: женщину со слишком дерзкими чертами, слишком короткими волосами и слишком амбициозными целями. Женщину, которая

должна была сделать то, что до сих пор слишком долго откладывалось.

Девина встала и, разгладив бледно-желтую муслиновую юбку, вышла из комнаты и направилась вниз. Она вовсе не рассчитывала на приятную встречу – ведь имелась только одна причина, по которой Брентворт мог прийти сюда сегодня.

Мистер Хьюм поджидал ее у двери библиотеки.

– Герцог вышел в сад, – сообщил он и зашагал с ней рядом. – Я хотел пригласить мою мать, чтобы посидела с вами в качестве дуэньи, но в саду в этом нет никакого смысла, так как герцог может предложить вам пройтись.

– Мне не нужна дуэнья. И уж меньше всего, когда я с этим человеком. Да и вы так не думаете. Вам просто хотелось, чтобы ваша матушка все слышала.

– Нет, неправда. Вы еще не замужем, поэтому не должны...

– Мистер Хьюм, мы оба прекрасно знаем, зачем он пришел. Меня скорее будут запугивать, чем помогать. – Девина задержалась у дверей, ведущих в сад. – Я очень благодарна вам за заботу и за то, что вас волнует мое благополучие, но, пожалуйста, дайте мне минутку, чтобы собраться с силами. Снаружи поджидает дракон, а мой меч слишком мал.

Хьюм с улыбкой потрепал девушку по плечу.

– Главное – не нервничайте. Когда он уйдет, приходите в библиотеку, я буду там, – сказал он, кивнул и удалился.

Девина же повернулась к двери и, сделав глубокий вдох,

шагнула в сад.

Герцог стоял футах в двадцати от нее. Не гулял среди растений и даже не смотрел на них, просто стоял, высокий и прямой, и профиль его резко выделялся на фоне садового ландшафта. Причем было заметно, что он нахмурился, то есть был явно чем-то недоволен.

Должно быть, он услышал, как открывалась дверь, потому что, повернув голову, покосился на девушку. Да-да, он был очень недоволен.

Аманда говорила, что матери с дочерьми на выданье даже не пытались заманить его, потому что считали слишком устрашающим. Теперь Девина их понимала. Этот человек был необычайно строгим, суровым... и на редкость красивым.

Девина присела в реверансе, и после того как герцог коротко ей поклонился, сказала:

– Для меня большая честь видеть вас, милорд. И для мистера Хьюма, разумеется...

– Я ненадолго. Приношу извинения за то, что отвлек от выполнения ваших обязанностей.

– Нора, моя подопечная, просто в восторге, да и я не против прогуляться по саду в это время. – Девина попыталась улыбнуться.

Герцог же кинул взгляд в сторону дома и сказал:

– Вы не против пройти со мной? Мне нужно кое-что обсудить с вами наедине.

– Да, конечно, ваша светлость.

Герцог положил шляпу и хлыст на ближайшую скамью, и они зашагали по саду. Девина старалась не робеть. Да-да, она не позволит ему запугать ее! Впрочем, пока из его поведения никак не следовало, что он собирался ей угрожать. Кроме того... Ей вдруг подумалось, что он, возможно, не так уж и страшен – просто у окружающих само собой создавалось такое впечатление.

– Когда я был во дворце, мне сообщили, с какой целью вы туда приходили, – начал герцог. – Так что мне известно о ваших притязаниях и о ходатайстве.

Повернув голову, Девина посмотрела на него, а он, глядя в землю, добавил:

– Могли бы сказать мне об этом. Если не в салоне, когда нас представили друг другу, то в Сент-Джеймсе, когда мы случайно встретились.

– Я подумала, что лучше ничего не говорить, пока не получу ответ короля.

– Скорее надеялись, что я не узнаю об этом вздоре, пока вы не устроите мне все возможные неприятности.

– Вы пришли, чтобы оскорблять меня? Мы ведь с вами друг друга совсем не знаем, и все происходящее сейчас не кажется мне началом многообещающей дружбы, – заметила девушка.

Герцог снова нахмурился и проворчал:

– Король доволен вашей настойчивостью не больше, чем

я.

– В таком случае ему не стоило обещать мне разобраться с этим делом.

– Как это произошло? Что именно он вам сказал?

– Король прибыл в Эдинбург на шотландские празднования. Мой отец когда-то сотрудничал с тамошним университетом, и его многочисленные друзья оттуда помогали мне, когда отца не стало. Один из них – сэр Корнелий Инграм. За свою научную работу он был возведен в рыцарское достоинство.

– Я о нем знаю, – кивнул герцог.

– И сэр Корнелий устроил мне встречу с королем, – продолжала девушка. – Он взял меня с собой на банкет и представил королю после трапезы.

– После трапезы, во время которой его величество наверняка немало выпил.

– Не могу сказать. Я не считала, сколько бокалов он осушил.

– Поверьте, к концу обеда он изрядно захмелел.

– Король не был пьян, если вы пытаетесь утверждать, что он растерял все свои мозги.

Тут Брентворт остановился, повернулся лицом к собеседнице и с усмешкой проговорил:

– Такие мозги, как у него, легко растворяются в спиртном. Значит, обед закончился, сэр Корнелий подтолкнул вас вперед, представил королю, и тот вам не отказал? – Герцог

снова усмехнулся, всматриваясь в лицо девушки. – Полагаю, ваши волосы были тогда длиннее. Их явно обрезали совсем недавно. Король увидел перед собой хорошенькую молодую женщину с обаятельной улыбкой и повел себя так, как повел бы на его месте любой другой мужчина.

– Не любой. Вы, к примеру, ведете себя совершенно похамски – хорошенькая я или нет. Что же до его величества, то он был очень любезен и обходителен, чего, собственно, и ожидаешь от короля. – Девина вскинула подбородок и посмотрела собеседнику прямо в глаза. – Мы с ним поговорили несколько минут, а затем я объяснила ему свое положение, и он проявил сочувствие.

– Не сомневаюсь, – буркнул Эрик.

– И он сказал, что, вернувшись в Лондон, велит своим людям рассмотреть мой вопрос, а также поддержит в парламенте билль об исправлении любых возможных упущений во всех подобных делах.

Герцог в очередной раз нахмурился и, казалось, о чем-то задумался. Возможно, он мысленно ей отвечал. «Ваш прадед погиб под Каллоденом, сражаясь против Великобритании, и если у него оставался наследник, то его лишили титула и имущественных прав из-за того преступления». Вот что, наверное, он думал.

Словно подтверждая ее догадку, герцог проговорил:

– Возможно, король действительно рассмотрел ваше дело и понял, что ваши притязания неправомерны и никаких

упущений не было. Поэтому он и избегает встречи с вами.

– Если бы он рассмотрел мое дело, то сразу понял бы, что я в полном своем праве, – ответила девушка.

Брентворт шумно выдохнул и проворчал:

– Может вы будете так любезны и объясните мне свое положение?

Он указал на каменную скамью, приглашая Девину сесть. Она устроилась на краешке скамьи, а ее собеседник остался стоять, нависая над ней. И теперь он казался совсем огромным – прямо-таки башня в черных одеяниях.

– Перед смертью отец поделился со мной семейной тайной, – начала Девина. – А еще доверил мне письмо от предыдущего короля. Все это относилось к истории нашей семьи и являлось подтверждением того, что мой дед – законный наследник барона Тейхилла.

– Барон погиб при Каллодене, и наследников у него не было, – возразил герцог. – Его единственный ребенок, сын, умер примерно в то же время.

– Так считалось. Однако сын не умер. Его тайно вывезли в Нортумберленд и отдали на воспитание фермерской семье.

– Зачем? – удивился Эрик.

– Ради его безопасности. Люди барона не доверяли британской армии, поэтому спасали от смерти сына.

– Наши солдаты не убивают невинных детей! – возмутился герцог.

– Ошибаетесь. Конечно, убивают... вернее – убивали.

Брентворт поморщился, однако решил промолчать.

– Так что мой дед вырос там, – продолжала Девина. – Он стал клерком, женился, и у него родился сын, мой отец. А тот, в свою очередь, вернулся в Шотландию и выучился в Эдинбурге на доктора. Уже перед смертью дед открыл ему правду о нашей семье.

– Все выглядело бы куда убедительнее, открой ваш дед эту правду раньше лорду Лиону, – заметил Брентворт, подразумевая должностное лицо, исполнявшее в Шотландии те же функции, что Геральдическая палата в Англии, служившая третейским судьей по вопросам титулов и геральдики.

– Раньше дед не был в этом уверен, – ответила девушка. – Он искал неоспоримые доказательства, искал свидетельства...

– Которых так до своей смерти и не нашел, верно? А если бы нашел, то эти притязания не откладывались бы на целое поколение.

– Но ему хватало уверенности, чтобы написать королю и представиться сыном Маккаллума из Тейхилла. Не знаю точно, что еще он написал, но король ответил ему весьма благосклонно. И если бы дед прожил чуть дольше, то все решилось бы тогда же. Да только ему не удалось прожить дольше. Однако перед смертью он отдал моему отцу письмо короля и обо всем рассказал.

Брентворт медленно расхаживал туда и обратно, и наконец, проговорил:

– Судя по всему, у вас нет никаких доказательств – только семейная легенда.

– Я уверена, что у деда они имелись. Он все изложил в своем письме бывшему королю. Но, увы, теперь мне сказали, что письмо утеряно. Во всяком случае, так утверждает мистер Хевершем.

– У него нет причин лгать, – заметил герцог.

Девина вскочила со скамьи.

– Неужели? Ох, до чего, должно быть, получилось неловко, когда люди короля поняли, кто владеет этой землей сейчас. Не какой-то другой шотландец и даже не английский лорд с приграничья. Не какой-то виконт или барон, получивший это право совсем недавно. Нет, это герцог! Причем сам герцог Brentworth, могущественный и наводящий ужас на менее важных людей. Должно быть, королю очень неловко...

– Если вы обвиняете короля в том, что он лжет вам, чтобы не ссориться со мной, то переоцениваете мое влияние. В прошлом мы с ним очень много ссорились по куда менее важным вопросам, но теперь, став королем, он всегда побеждает. Впрочем, так всегда и бывает, мисс Маккаллум. Мы с ним вовсе не друзья, и его мало волнуют мои проблемы.

– Не будь вы с ним друзьями, он бы с радостью вернул мне земли. Но вместо этого они утверждают, что все доказательства исчезли.

– Да потому что они в самом деле исчезли, если вообще

когда-нибудь существовали. Вам следует оставить это дело. Оно вас ни к чему не приведет.

– Нет, не могу, – заявила Девина.

Герцог с раздражением вздохнул.

– Но поймите, у вас нет никаких доказательств, кроме вашего имени, а оно в Шотландии настолько распространено, что для подобных притязаний абсолютно нет оснований.

– Я найду доказательства.

– Но как? Ведь все это случилось почти сто лет назад!

– Я найду. Мой дед не был ни дураком, ни мошенником. Если он написал королю, значит, знал, что он наследник. Я найду то же самое, что в свое время отыскал он. Так что это вам следует сдаться.

Гневно взглянув на нее, герцог заявил:

– Этого не случится ни при каких обстоятельствах, потому что я – Брентворт. Мы не раздаем направо и налево свои земельные владения, тем более женщинам с сомнительными историями о ничем не обоснованном наследстве. – Он едва заметно поклонился. – Я, пожалуй, уйду прямо сейчас, иначе мы поссоримся. Доброго вам дня.

– А я думала, ссора – это как раз то, что происходит сейчас между нами, – пробормотала девушка.

Бросив на нее испепеляющий взгляд, герцог резко развернулся и зашагал по садовой дорожке.

– Не боитесь прослыть жуликом? – прокричала ему вслед Девина.

Он на мгновение остановился и процедил через плечо:
– А вы не боитесь прослыть мошенницей?

Глава 4

Проклятье! Невозможная женщина! Чертовски раздражает...

Эрик кипел от злости, возвращаясь обратно в Мейфэр. Она, судя по всему, была совершенно убеждена, что ее история – истина. А ведь у нее – ни малейших доказательств! Любая другая по меньшей мере подумала бы, прежде чем объявлять войну. Но только не мисс Маккаллум!

Но мошенница ли она? В свое время Эрику довелось несколько раз встретиться с мошенниками, и все они, как правило, проявляли такую же убежденность в своей правоте. Они просто вынуждены были это делать. Но она... Что на самом деле думала она?

Там, в саду, мысль о том, что эта женщина решилась на вопиющий обман, вызвала у него странную реакцию: в основном гнев, но еще... и разочарование. И это приводило его в замешательство. Ведь действительно, какое ему дело до того, что она, возможно, мошенница? Наверное, ему просто не хотелось так о ней думать.

И ведь он никогда так не злится. Ну... редко. А сейчас скачет верхом по Лондону, стиснув зубы! Он все еще видел ее, сидевшую на скамье... И солнечные блики рисовали узоры на ее коротких волосах. А она тем временем говорила о своих правах на эти земли...

Английская армия не убивала детей? Но он не мог утверждать это со всей уверенностью, и она это знала. Его ведь там не было... А кто знает, что происходило в каждом отдельном случае, связанном с наследниками мятежников? И вообще значение имело только то, во что верили люди. А она верила.

В те времена в Нортумберленде жило множество якобитов, поддерживавших шотландское восстание. Преимущественно – католики. В те годы Нортумберленд стал приютом для тех, кто сражался при Каллодене. И если кто-нибудь хотел отправить своего ребенка в безопасное убежище, то выбирал именно это место.

Проклятье! Ее рассказ в общем-то логичен. Но это всего лишь рассказ, не более того. Рассказ и письмо от полубезумного короля, находившегося на грани белой горячки.

Эрик тихо выругался. Похоже, эта женщина станет для него источником неприятностей, возможно – на долгие годы. Достаточно взглянуть на нее, чтобы понять: такая никогда не отступится. Да и с какой стати? Ей-то нечего терять, зато она может многое получить.

Кроме того, речь шла именно о тех землях. Он никогда не думал о том своем шотландском поместье – не хотел вспоминать о нем. Даже сейчас, когда он гнал коня по лондонским улицам, его терзали воспоминания и угрызения совести. И еще он то и дело вспоминал свой разговор с Хевершем. Добравшись до Мейфэра, Эрик пришел к выводу, что реальная опасность исходит вовсе не от мисс Маккал-

лум, а от короля, которому непременно захочется отстоять свое «доброе» имя и честь. И этот вывод заставил его повернуть к дому друга.

Дворецкий взглянул на его визитную карточку – хотя они хорошо знали друг друга – и сообщил:

– Его светлости нет дома, ваша светлость.

– Я пришел к герцогине, а не к Страттону, – заявил Эрик.

– В таком случае... Сейчас я посмотрю, дома ли ее светлость.

Брентворт ждал в гостиной. Он предполагал, что Клара сейчас дома. Хм... Как странно... Ведь Клара была последней женщиной, на которой мог жениться Страттон. Их семьи давно враждовали, и вот оказалось, что эти двое полюбили друг друга – вопреки всему, – причем их союз представлял собой торжество оптимизма над обязательствами крови и долга. Будучи реалистом, Эрик с самого начала не возлагал слишком больших надежд на долговечность их великой любви, однако они и по сегодняшний день были без ума друг от друга – точно юные влюбленные. Возможно, именно поэтому Страттон даровал своей супруге независимость – весьма необычную даже для герцогини. Впрочем, Клара в любом случае добилась бы этой независимости – иначе просто быть не могло.

Эрику пришлось прождать почти полчаса, но она все же появилась в гостиной.

– Вы застали меня врасплох, Брентворт, и это мой непри-

емный день, – сообщила герцогиня. – Мне пришлось наспех одеваться ради вас, и потребовалась целая вечность, чтобы привести в порядок волосы. – Ее каштановые волосы были искусно накручены и уложены.

– Возможно, вам следует их обрезать, миледи. Полагаю, короткие локоны причесывать очень просто.

– Милорд, прошу прощения... – Герцогиня бросила на него подозрительный взгляд, словно думала, что он подшучивал над ней.

– Не обращайтесь внимания, – улыбнулся Эрик. – Вы могли бы не переодеваться и выйти в том, в чем были. Я друг вашей семьи, и нам совсем не обязательно придерживаться этикета.

Последовал еще один подозрительный взгляд.

– Как великодушно с вашей стороны, милорд. Однако же... не очень вежливо встречать гостей в халате.

Эрик снова улыбнулся, а Клара подошла к дивану и пригласила его сесть.

– Сомневаюсь, Брентворт, что это обычный светский визит, поэтому простите, если я спрошу, чего вы хотите.

– Миледи, но почему вы решили, что я чего-то хочу?

– Потому что за все время нашего знакомства вы ни разу не нанесли визит лично мне. Если нет моего мужа, то нет и вас.

Эрик мысленно вздохнул. Да, глупейшая ошибка с его стороны.

– О боже, Брентворт, вы определенно чувствуете себя

неуютно. Должно быть, вам что-то очень нужно. Выкладывайте же. И имейте в виду: в вашу пользу говорит то, что вы обратились напрямую ко мне, а не стали уговаривать моего мужа сделать это за вас.

— Буду откровенен, миледи. У меня есть основания думать, что именно вы писали королю относительно мисс Маккаллум.

— Откуда вы знаете?

— От Хевершема.

Брови герцогини приподнялись.

— Значит, мое письмо отдали прямо ему? Что ж, он должник моего отца, тот похлопотал за него в одном деле, когда Хевершем был еще совсем молодым человеком. Так что, полагаю, он все сделает правильно, если сможет.

— Правильно для кого?

— Для мисс Маккаллум, разумеется.

— Так значит, вы знаете о ее прошении?

— Да, но без подробностей. Знаю только, что ей обещали уделить внимание. Речь шла о какой-то проблеме с наследством, но обещание не сдержали. Это постыдно! Короли не смеют лгать в таких вещах.

Эрик промолчал. Было ясно, что обстоятельства этого дела Кларе неизвестны. Но она была женщиной весьма проницательной, так что кое о чем могла догадаться.

— Брентворт, а с чего это вдруг Хевершем стал рассказывать вам об этом?

– Он кое в чем просил моего совета, – ответил Эрик и в общем-то не солгал.

– Что ж, по крайней мере, они наконец-то делают то, что обещали, и разбираются с ее прошением. Надеюсь, вы сумеете помочь. Теперь, когда ее отец умер, бедняжка осталась совсем одна. Пока ей удастся прокормиться, давая уроки девочкам, но кто знает, как долго она еще сможет находить эти уроки? Подозреваю, что в конце концов ей придется стать гувернанткой, а это было бы ужасно. – Немного помолчав, герцогиня спросила: – Так с чем же вы все-таки пришли?

– Я должен просить вас об одолжении, миледи, – пробормотал Эрик.

– Brentworth, вы едва не подавились, говоря это. Полагаю, вам крайне редко приходится просить кого-либо об одолжении. Что ж, я вас слушаю.

– Видите ли, я думаю, что для мисс Маккаллум будет лучше, если ее дело станут разбирать негласно, не привлекая к нему внимания.

– Вы имели в виду... лучше для короля?

– Не выйдет ничего хорошего, если все это обернется салонными сплетнями.

– Brentworth, вы что, пришли сюда просить меня в порядке одолжения держать язык за зубами и никому ни о чем не говорить?

– Я бы никогда не позволил себе оскорбить вас намеком на то, что вы сплетничаете. Меня гораздо больше волнует

этот ваш журнал.

Сказать, что герцогиня резко выпрямилась и вся обратилась в слух, — значит, ничего не сказать.

— Журнал? — переспросила она. — Но мы не пишем о мелких стычках по поводу наследства. Разве только... Может, вы имеете в виду, что за этим кроется что-то еще? Скандал или что-нибудь в этом роде — в общем, то, что сможет подпитывать сплетни целый год...

— Вряд ли это настолько интересно. Тем не менее я прошу вас в порядке одолжения воздержаться от любых заявлений об этом деле.

Герцогиня поморщилась и проворчала:

— Ох как жестоко с вашей стороны: подвесить приманку, а потом резко убрать. Надо полагать, что если я не соглашусь сделать вам одолжение, то вы попросите об услуге моего мужа, а потом мне придется выслушать его просьбу.

— Я бы предпочел обойтись без этого.

— Значит, такое все же может случиться? — Клара прищурилась. — Почему-то мне кажется, что вы делаете это для того, чтобы помочь не Хевершему и королю, а каким-то образом самому себе.

Эрик с улыбкой пожал плечами.

— Вы о чем миледи?

— Ладно, хорошо, — кивнула герцогиня. — Будет вам одолжение, но при одном условии. Если в какой-то момент эта история созреет для публикации, «Парнас» получит на нее

первоочередное право, согласны? Видите ли, бывают случаи, когда только факты могут положить конец недоразумениям и покончить с ложью.

– Условие принято. – Эрик поднялся. – Благодарю вас, миледи.

Клара тоже встала, вместе с гостем подошла к двери, а затем улыбнулась и сказала:

– Оказать вам эту услугу будет очень легко. Но теперь, милорд, вы мой должник. О, это забавно...

Девина не присоединилась к мистеру Хьюму в библиотеке, когда Брентворт ушел. Вместо этого она долго бродила по саду, то и дело проклиная герцога. В конце концов тропинка увела ее далеко в поле, и поэтому, когда она вернулась в дом на Сент-Эннз-лейн, семья уже сидела за ужином. Она вошла в столовую так бесшумно, как могла, и уселась на свой стул.

Во время прогулки Девина вспоминала свою встречу с герцогом и в итоге пришла к выводу: напугать ее он не смог, – но при этом поняла, почему некоторые женщины его побаивались. Общение с ним приводило в замешательство, причем настолько, что временами хотелось зажмуриться – только бы не смотреть на него, хотя он был настоящим красавцем. И теперь Девина понимала, почему леди теряли дар речи под его пристальным взглядом.

...Миссис Хьюм продолжала есть суп, а Нора лишь взглянула в сторону своей наставницы и потянулась к хлебной

корзинке за булочкой. Зато мистер Хьюм разыграл целый спектакль при ее появления. Он умолк на полуслове, перестав описывать политический митинг, и его густые брови – того же медного цвета, что и волосы, – слегка приподнялись над голубыми глазами. Усы же, которые он носил как символ радикальных идей, подергивались над крепко сжатыми губами. Какое-то время помолчав, он, наконец, проговорил:

– Вы довольно долго отсутствовали, мисс Маккаллум. – Вытащив карманные часы, Хьюм посмотрел на них – как будто не знал, который час. – Добрых три часа, мисс Маккаллум.

– Мне захотелось хорошенько прогуляться, – ответила девушка.

– Такое не подобает, – пробормотала миссис Хьюм.

Старуха не любила Девину и не считала нужным притворяться. Ей не нравились весьма необычные условия, которые девушка выдвинула, прежде чем согласиться на это место. В результате она часто бранилась, когда Девина проявляла независимость, стоявшую первым пунктом в ее списке обязательных условий.

– Как ты провела вторую половину дня, Нора? – спросила старуха. – Ведь из-за отсутствия мисс Маккаллум тебе пришлось остаться одной...

– Ходила к моей подружке Энн, – ответила девочка. – У нее новая кукла, и она всегда носит ее с собой. Если бы я была младше, то могла бы ей и позавидовать, потому что кукла

французская. Но мне кажется, что глупо повсюду таскать с собой куклу, если тебе уже тринадцать.

– Уж лучше кукла, чем книга, слишком сложная для твоей юной головки, – проворчала пожилая дама.

– Миссис Хьюм, меня пригласили в ваш дом, чтобы побуждать Нору интересоваться сложными вещами, – заметила Девина.

Бледное лицо старухи порозовело, и она пробурчала:

– И я должна терпеть такую дерзость от гувернантки?..

– Ее наняли учительницей, мама, а не гувернанткой, – возразил мистер Хьюм. – И она вовсе не проявляет дерзость, а объясняет тебе положение вещей.

Девина с благодарностью посмотрела на своего нанимателя. Ему наверняка было не так-то просто возражать матери, в особенности – объяснять, почему учительница не ведет себя так, как обычная прислуга.

Миссис Хьюм – с уже побагровевшим лицом – извинилась и встала из-за стола. Ее уход мог бы стать драматическим, да только она не могла выскочить из столовой слишком уж быстро. Из-за больных суставов, что часто случается у пожилых женщин, она нуждалась в помощи и в трости. Девина тотчас подскочила к ней, чтобы помочь, а Нора спросила:

– Можно мне тоже уйти?

– Да, можно, – отозвался мистер Хьюм.

– И займись латинскими глаголами, – сказала Девина. – Завтра проверим.

Нора не застонала и не стала возражать. Послушная девочка, она, казалось, даже получала удовольствие от учебы. «Но долго ли это еще продлится?» – гадала Девина. Ведь вскоре модные наряды и молодые люди вскружат ей голову, и вспомнит ли Нора о том, что должна и чего не должна знать юная девушка?

Мысленно вздохнув, Девина принялась за тушеную курицу, а мистер Хьюм тем временем пил вино. Его длинные пальцы так осторожно держали ножку бокала, словно он был хрустальным, а не оловянным. Девина ждала, когда же Хьюм затронет столь важную для нее тему. Наконец, сделав очередной глоток, он спросил:

– И что же, Брентворт действительно приходил из-за наследства?

– Да, – кивнула девушка.

Иногда Девина жалела о том, что поделилась с мистером Хьюмом своей тайной, из-за которой приняла его предложение и стала учительницей его дочери. Она с самого начала сомневалась, что ей стоило соглашаться на эту работу. Начать с того, что мистер Хьюм, с которым она познакомилась в Эдинбурге, проявлял к ней излишний интерес в том смысле, в котором сам он ее не интересовал.

Во время той встречи, когда она приняла предложение, она многое о себе поведала. Сказала, что ей нужно поехать в Лондон, чтобы подать прошение королю.

К сожалению, мистер Хьюм заключил, что эта история мо-

жет послужить и другим целям – в дополнение к тем, которые он вынашивал в надежде на роман с ней. Судя по всему, его заинтересовало ее шотландское поместье, если, конечно, ей удастся его заполучить.

– Что вы о нем думаете? – спросил он.

– Гордец. Прекрасно осознает свою значимость и положение в обществе. – Девина помолчала. – Очень умный к тому же. Чего я никак не ожидала. Неверно предположила, что он ленив, богат и испорчен – как персонаж сатирического фельетона.

– Английская аристократия не вся состоит из глупых и вялых бездельников, склонных к самолюбованию. В большинстве своем – да. Но не целиком. Я ведь предупреждал вас, что Брентворт – человек очень опасный.

Мистеру Хьюму нравилось считать себя советчиком в ее сложном предприятии. Он рассчитывал на политические и материальные выгоды, не имевшие отношения к ее целям, и поэтому то и дело пытался ее наставлять. А Девине это очень не нравилось – у нее имелись собственные планы. Она хотела превратить тот шотландский особняк в уютное место, где можно будет оказывать медицинскую помощь простым людям, о которых ее отец всегда заботился, пока мог. Таким образом она продолжила бы его дело и обрела бы наконец цель в жизни, утраченную после смерти отца.

– Любой герцог – личность весьма влиятельная, сэр, – ответила она. – Он как-то очень уж грозен. Ничего не откры-

вает и никогда не раскроет свои карты...

Хьюм утвердительно кивнул.

– Да, разумеется. А он знает, что вы задумали?

– Наш разговор в саду доказывает, что он знает все. Думаю, что я мошенница. Что все это сочинила. Полагаю, мне следовало подождать, пока не наберется больше доказательств. Только я думала, что оставленных дедом доказательств вполне достаточно. А их даже найти не могут...

– Это они так говорят, – заметил Хьюм.

– Ну, если они так говорят, то это фактически истина. – Девина пожалала плечами. – Не думаю, что я добьюсь успеха, если буду рассчитывать на мистера Хевершема. Нужно изложить мое дело кому-нибудь другому – тому, кого король выслушает. Вы не могли бы помочь мне добиться аудиенции у кого-нибудь... близкого к королю?

Мистер Хьюм, казалось, задумался. Но Девина прекрасно знала, что его влияние не простиралось так далеко. И не только потому, что Хьюм являлся членом парламента от Шотландии, но еще и потому, что он был известен как злостный радикал. То есть было очевидно, что при дворе вряд ли пойдут ему навстречу.

– Я об этом подумаю, – ответил он наконец. – Вам следует знать, что я сделаю все, что в моих силах, – только бы помочь вам. Так что мы найдем способ... – добавил Хьюм с ласковой улыбкой.

Девина же от этой его улыбки почувствовала себя очень

неуютно. Нет-нет, мистер Хьюм не совершил ничего предосудительного с тех пор, как она месяц назад приняла его предложение насчет работы, — разве что слишком быстро начал называть ее по имени и обиделся, когда она попросила его воздержаться от подобной фамильярности. К тому же его нельзя было назвать непривлекательным. Его длинные локоны отливали весьма необычным темным оттенком меди, редко встречавшимся вне Шотландии, а голубые глаза бывали очень даже привлекательными, если в них не возникало то выражение, которое появилось в данный момент. При этом он был изящным и гибким, то есть имел фигуру, вполне соответствовавшую современной моде. Более того, Хьюм нравился ей как личность — просто она хотела, чтобы он не думал о ней в том смысле, в каком думал в эту самую минуту.

Девина извинилась и поспешно вышла. Оказавшись в своей комнате, она села за письменный стол и составила список всех возможных доказательств, которые имело смысл искать.

Глава 5

Проталкиваясь сквозь толпу на узкой торговой улице, Девина то и дело озиралась. Всевозможные товары буквально вываливались из дверей многочисленных лавок, а у некоторых витрин было видно, как в глубине лавок трудились мастеровые. Одни люди останавливались, чтобы поглазеть или что-то купить, другие же быстро проходили мимо, торопясь домой к обеду.

Девина, держась в стороне, внимательно разглядывала вывески и разыскивала башмачника. Сюда послал ее мистер Хьюм – поговорить со стариком мистером Джейкобсоном, время от времени посещавшим политические митинги.

Мистер Хьюм полагал, что в молодости башмачник жил в Нортумберленде, то есть в тех самых местах, где родилась Девина. «Возможно, он знает что-нибудь полезное для вас», – сказал Хьюм. Однако сам он не стал сопровождать ее, что наводило на мысль, что этот визит скорее всего успехом не увенчается. Впрочем, Девина подозревала, что Хьюм сообщил ей адрес этого человека только для того, чтобы казаться полезным.

Наконец-то Девина заметила вывеску с нарисованным на ней сапогом и подумала: «А может, этот мистер Джейкобсон не башмачник, а сапожник?»

Протиснувшись мимо стоявшей у входа тележки и помор-

щившись от неприятного запаха, девушка вошла в лавку.

Всевозможные сапоги стояли в ряд вдоль одной стены, а на другой висели отрезки кожи. Крупный старик с розовым лицом и коротко стриженными седыми волосами оседлал скамью у окна и, сильно щурясь, прибавал к сапогу подошву – видимо, ему не помешали бы очки. Похоже, он не услышал, как Девина вошла.

– Добрый день, сэр, – сказала девушка. – Вы мистер Джей-кобсон?

Старик поднял на нее глаза – все еще щурясь.

– Да, верно. Но я не шью сапоги для женщин.

– Я пришла не за сапогами, хотя ваши выглядят весьма привлекательно. Видите ли, мистер Хьюм, ваш знакомый, подумал, что вы могли бы мне кое в чем помочь.

– Хьюм? Этот смутьян? О чем он думал, посылая ко мне женщину? Только и делает, что болтает без устали, а другие пусть делают всю работу, – вот кто он такой. – Старик нахмурился и вернулся к своему занятию. Немного помолчав, проворчал: – Своей болтовней он навлек кучу неприятностей и чуть не испортил все дело, а вот рисковать собственной шкурой не захотел.

– Сэр, мое дело не имеет никакого отношения к политике. Я пришла спросить вас, не знали ли вы в Нортумберленде мою семью? Хьюм сказал, что вы родом оттуда – недалеко от Нью-Касла.

– Это большое графство, девочка.

– Да, очень большое. Но все-таки там широко развиты семейные связи, и всегда имеется возможность, что вы знали моих родных, если жили неподалеку от деревни Кэкследж. Это возле Кентона.

Сапожник неохотно кивнул.

– Да, верно. Юношей я жил не так уж далеко от этого города. А как их звали?

– Маккаллуны.

– Ага, шотландцы... Что ж, это сужает круг поиска. Да, я знал тамошних Маккаллунов. С одним даже в церковную школу ходил. Правда, он не был католиком, а послушать, как говорит, – то и не шотландцем. Но его отец хотел, чтобы он получил хоть какое-то образование, а церковная школа была единственной возможностью.

– Сэр, это мог быть мой отец. Он получил образование в школе Святого Амвросия в Нью-Касле, но начинал учиться в местной приходской школе.

– Значит, мог быть и он. – Старик пожал плечами. – Но он был младше меня, а я учился там совсем недолго, потом пошел в подмастерья, так что знали мы друг друга очень плохо. Я тебе мало что могу о нем рассказать.

– Сэр, я надеялась узнать хоть что-нибудь о моем дедушке, – сказала Девина.

Мистер Джейкобсон отложил свой инструмент и ненадолго задумался, потом пробормотал:

– Сдается мне, его знал мой отец, по крайней мере –

немного. Думаю, он жил в приемной семье неподалеку. Старая семейная пара... Забыл их фамилию.

– Митчеллы, Гарольд и Кэтрин.

– Ну не знаю... А вообще-то было нехорошо, когда он еще совсем молодым человеком вышел из церкви. Хм... странное дело... Нынче старые воспоминания всплывают быстрее, чем свежие. А запомнил я это потому, что мой отец говорил, мол, некрасиво с его стороны посылать сына в церковную школу, если сам нашу церковь покинул. Может, только поэтому я их семью и запомнил. – Старик помолчал, потом, пожав плечами, добавил: – Ну, по крайней мере это одна из причин...

– А есть и другие?

Сапожник ответил не сразу, и, казалось, погрузился в воспоминания, а затем произнес, словно обращаясь к самому себе:

– Я подумал, что странно так говорить.

– Кому говорить? – спросила Девина.

– Моему отцу, конечно, – тотчас ответил старик. – Когда Маккаллум умер, отец сказал это матери. Довольно странно звучало... Потому слова отца и застряли у меня в голове. «Маккаллум подцепил горячку и умер», – сказал он.

– Не так уж и странно сообщить об этом, если в молодости ваш отец и мой дед посещали одну и ту же церковную школу.

– «Маккаллум подцепил горячку и умер, так что барона больше нет» – вот что сказал мой отец. – Старик ухмыль-

нулся. – Надо думать, он и впрямь вел себя как барон. Да-да, теперь вспоминаю. Заставлял обратить на себя внимание. Должно быть, ему дали такое прозвище, чтобы подначивать.

– Может, и так... – пробормотала Девина со вздохом.

– Гордец небось был, – продолжал старик. – Что ж, довольно обычный грех. Бывают и хуже. Хотя его и хорошим семьянином трудно было назвать – теперь-то вспоминаю. Отдал своего сына в ту самую школу, а сам время от времени бросал семью и уходил куда-то на чуток. Из-за этого ему все время приходилось искать новую работу. Сдается мне, моей матери было что по этому поводу сказать. Конечно, она такого не одобряла. – Сапожник хохотнул. – Никогда не видел, чтобы мой отец отдыхал от своей работы или от нас, вот что я тебе скажу. Моя мать такого бы не потерпела.

– Немногие из женщин потерпят, – пробормотала Девина. Но куда же дед уходил, когда на время бросал свою семью? И как долго отсутствовал?

А старый сапожник вдруг добавил:

– Я туда возвращался десять лет назад. И никто ни слова о них не сказал. Да и тебя я совсем не помню.

– Мой отец уехал оттуда, когда мне было тринадцать. После смерти матери мы переехали на север.

– А... тогда понятно, – кивнул старик. – А больше я тебе ничего рассказать не могу. Как я и говорил, не так уж хорошо я их знал.

Девина невольно вздохнула. Ох как ей хотелось, чтобы

мистер Джейкобсон с ее отцом были добрыми друзьями: тогда бы он многое мог ей рассказать. Но увы...

– Благодарю вас за то, что вы рассказали мне все, что помните, – сказала девушка. – Было приятно услышать о моем дедушке и об отце в дни его молодости.

Сапожник снова взялся за молоток.

– Так ведь это нетрудно. – Он пожал плечами. – И скажи дураку Хьюму: пусть придет и закажет себе сапоги. Те, в которых он ходит, никуда не годятся.

– Передам.

Девина попрощалась и вышла на улицу. Как бы там ни было, но она все-таки нашла хоть какие-то полезные сведения. Возможно, что ее деда называли бароном из-за его манеры держаться, но возможно также и то, что речь шла о его прошлом, известном тем, кто привез его в те места. Это, конечно, не много, но все же гораздо больше, чем она рассчитывала узнать во время этого визита.

Мысленно улыбнувшись, Девина зашагала в сторону дома.

Окликнув Эрика, Страттон галопом пустил коня по парковой дорожке. Эрик остановился и, поджидая приятеля, вдруг заметил, что следом за ним скачет Лэнгфорд.

– Странно видеть тебя тут в такую рань, – сказал Страттон. Его конь фыркнул и негромко заржал. – Я думал, ты застрянешь на одной из своих встреч.

– Денек холодный, но ясный, а мне необходимо проехать-ся верхом, чтобы прочистить мозги, – ответил Эрик, повернув на соседнюю дорожку, когда их догнал Лэнгфорд.

Пристроившись справа, Страттон сказал:

– Если мы с Лэнгфордом отрываем тебя от важных размышлений...

– Прочистить мозги – это значит хотя бы на время забыть о важных размышлениях, – перебил Эрик.

Он отправился на верховую прогулку, чтобы не думать о шотландской женщине, пытавшейся завладеть его землей.

– А я-то думал, тебя одолевают столь важные мысли, что ты просто не можешь забыть о них, – заметил Страттон.

– Нет у меня таких проблем, – пробурчал Эрик.

– Неужели? – улыбнулся Лэнгфорд.

Эрик взглянул на него и снова повернулся к Страттону. Оба держались слишком уж непринужденно – явно умышленно. «Будь я проклят, если поделюсь с ними своими мыслями», – подумал Эрик.

Через некоторое время все трое повернули к небольшому озеру. И Страттон вновь заговорил:

– Мы не видели тебя последние несколько дней, но Клара сказала, что ты приходил к ней с визитом. Значит, в отшельника не играешь.

– Я никогда не изображал отшельника, – проворчал Эрик.

Отшельничество означало полный уход от людей, а также – самоотречение. Он не стремился ни к тому ни к другому,

хотя случалось, что ему не очень-то хотелось общения.

– Ну да, в те времена, когда мы были намного моложе, – заметил Лэнгфорд.

Эрик никак не отреагировал на его слова. Но почему Лэнгфорд упомянул об этом? И снова нахлынули воспоминания... Да, верно, тогда он вовсе не был отшельником, просто оказался втянут... Проклятье! Огонь! Безумие! Непостижимая потеря контроля... Усилием воли Эрик заставил себя отгородиться от ужасных воспоминаний.

– В любом случае очень мило с твоей стороны, что навещал Клару, – сказал Страттон.

– Почему это?

– После этого начались разговоры о ней и о журнале. То есть ты дал понять, что по-прежнему высоко ее ценишь.

– Жена рассказывала тебе о моем визите?

– Только то, что ты заходил.

– И теперь ты гадаешь, зачем?

– Вовсе нет. И если ты решил навестить мою жену, когда меня нет дома, то я ничего против не имею.

– Просто Страттон не думает, что у тебя на нее виды, – вмешался ехавший с другой стороны Лэнгфорд. – Он никогда ничего подобного не подозревал. Верно, Страттон?

– Разумеется, не подозревал.

– Думаю, она все же рассказала тебе, зачем я приходил. Что именно она сказала?

Страттон пожал плечами.

– Сказала только, что это имеет какое-то отношение к журналу. Поэтому я благодарен тебе за поддержку.

Эрик надолго задумался. Было совершенно очевидно: рано или поздно проблема с мисс Маккаллум все равно станет известна. Ведь если об этом знает королевский двор, то узнает и весь Лондон. Кроме того... Станет ли Хьюм держать язык за зубами? Возможно, нет, если учует в разглашении некую выгоду для себя.

– Это дело не касается журнала, но касается мисс Маккаллум, – проговорил наконец Эрик.

– Ну, что я тебе сказал? – Лэнгфорд взглянул на Страттона. – Как только ты упомянул журнал, я сразу подумал: «А кто пишет для этого журнала?» Теперь понял? Брентворт ею очарован.

Эрик решил не обращать на Лэнгфорда внимания. Иначе пришлось бы его поколотить. Конечно, соблазн был велик, но все же они находились в центре парка.

– Никто не очарован, – буркнул Эрик. – Только немного зол. И на твою жену, Страттон, – тоже.

– Надеюсь, ты посетил Клару не для того, чтобы отругать? Я подобного не потерплю.

– Черт, да никто не ругает Клару! И даже ты не осмелился бы. Я всего лишь попросил ее об одолжении, и она любезно согласилась.

Прятели Эрика резко остановились. А он продолжал ехать дальше. Когда же они догнали его, Лэнгфорд спросил:

– О каком одолжении? Ты уже довольно много нам рассказал, так что продолжай... И имей в виду: может, Клара Страттону так и не признается, но Аманда-то мне точно все расскажет... если я применю к ней свои чары.

– У меня нет оснований думать, что Аманде об этом известно.

– Конечно, известно. Или будет известно. Она говорила, что в этом своем клубе они только сплетнями и занимаются. Ее послушать, так они еще хуже мужчин...

Зная, как успешно Лэнгфорд пускал в ход свои чары, Эрик не сомневался: Аманда наверняка расскажет ему все, что узнает...

Откашлявшись, Брентворт проговорил:

– Мисс Маккаллум приехала в Лондон, чтобы ходатайствовать о возвращении ей земель, которые, по ее утверждению, были конфискованы несколько поколений назад и переданы кому-то другому. Вот какова истинная причина ее проживания здесь, а вовсе не написание статей в «Парнасе» и не работа учительницей.

Брови Лэнгфорда сошлись на переносице.

– И кто же владеет этими землями сейчас? – Он искоса взглянул на Эрика. – О, так это...

– Несколько дней назад она была в Сент-Джеймском дворце. И я тоже. До тех пор король ее избегал, но это стало невозможным после того, как вмешалась чья-то жена и написала королю по ее просьбе. – Эрик выразительно посмот-

рел на Страттона.

– Не такое уж серьезное вмешательство, – пожал плечами Страттон.

– Однако король не мог проигнорировать герцогиню, верно? Потому отправил Хевершема поговорить с ней. И со мной.

– И тебе хватило наглости явиться к Кларе и попросить ее перестать вмешиваться? – проворчал Страттон.

– Я попросил ее дожидаться, когда дело уладится само собой, и не публиковать ничего на эту тему в этом ее проклятом журнале. Король только потому и согласился заняться делом мисс Маккаллум, что знает о журнале и о попечительстве твоей жены. Вероятно, он вообразил, что его в журнале изобразят лжецом.

– Лжецом? – переспросил Лэнгфорд. – Но почему?

Эрик тяжело вздохнул.

– Да потому что это обещание было дано королем несколько лет назад. Право же, я очень благодарен Кларе за то, что она обещала ничего не публиковать.

– Это на нее не похоже, – заметил Страттон. – Должно быть, ты нравишься ей больше, чем я думал. Мне всегда казалось, что вы с ней...

– Да-да, но я слегка подсластил свою просьбу. Она получит всю историю целиком, если будет о чем рассказывать.

– Полагаю, ты включил условие о том, что леди Фарнсуорт эту статью писать ни в коем случае не будет, – сказал Лэнг-

форд. – Ведь даже если ты в своем праве, – она все равно сумеет изобразить тебя последним мерзавцем.

– Все еще злобствуешь, Лэнгфорд? Лучше помолчи, прошу тебя.

– И что ты собираешься делать? – спросил Страттон. – Можешь опровергнуть ее притязания?

– Земли, знаешь ли, находятся в моем владении. Пусть она обоснует свои притязания.

– Сомневаюсь, что король смотрит на это дело именно так, – заметил Лэнгфорд. – Возможно, он хочет, чтобы ты сам решил эту проблему.

Эрик молча пожал плечами. Может, и так. Хевершем почти так и сказал. Проклятье!..

– Ты можешь просто откупиться от нее, – предложил Страттон. – Ведь найдешь компромисс?

– Я не склонен идти на компромиссы. И ни один из вас на моем месте этого бы не сделал. Мы что, будем раздавать свои владения всем желающим их заполучить? Я намерен доказать, что она просто-напросто мошенница.

– Ты в этом уверен?

– Но у нее нет никаких доказательств!

– Но если ты хочешь доказать, что она мошенница, то тебе придется узнать ее поближе, – заметил Лэнгфорд. – Придется провести с ней какое-то время, чтобы поймать на противоречии... В общем, понимаешь, да?

– Может, и так, – кивнул Эрик. – Хотя это будет чертовски

неприятно.

Краем глаза он заметил, что Лэнгфорд широко ухмылялся, глядя на Страттона, а тот едва удерживался от смеха. Мысленно выругавшись, Эрик повернул на дорожку, ведущую к парковым воротам.

Глава 6

Девине с огромным трудом удавалось сосредоточиться на уроках. Она искала любые способы, чтобы избежать занятий: предлагала Норе решать математические задачи на грифельной доске и переводить отрывки с латинского. Сама же сидела перед раскрытыми учебниками, делая вид, что готовится к следующему дню, хотя на самом деле мысли ее были обращены только к мистеру Джейкобсону.

Ей бы очень помогло, найди она еще одного уроженца Нортумберленда, который помнил бы то же самое, но Девина сомневалась, что такое возможно. Это должен быть человек возраста мистера Джейкобсона, причем живший где-нибудь рядом с Кэкследжем. Каковы шансы? Она даже мистера Джейкобсона никогда бы не отыскала, не поссорься он с мистером Хьюмом на их последнем митинге.

Об этом Девина узнала за обедом вчера вечером, после своего возвращения из лавки сапожника. Мистер Хьюм изнывал от любопытства. Когда же она рассказала о неприязни к нему мистера Джейкобсона, Хьюм признался, что они поссорились. Однако в результате ему стало кое-что известно о биографии мистера Джейкобсона, поэтому он посчитал, что их перебранка того стоила.

Затем мистер Хьюм сказал, что подумает о том, как ей быть дальше, и что они поговорят об этом позже. Впрочем,

Девина уже решила, каким будет ее следующий шаг. Прошедшей ночью она написала письмо к мистеру Хевершему, объясняя, что встретила человека, чей отец знал ее деда как барона. Может быть, мистер Хевершем отнесется к ней более серьезно, когда узнает об этом?

Как и ожидалось, мистер Хьюм жаждал обсудить ее дело. Он дождался, когда его мать и дочь уйдут, но Девину попросил остаться в столовой. И даже пересел, чтобы оказаться ближе к ней: не совсем рядом, но гораздо ближе, чем ей бы хотелось, – то есть на расстоянии вытянутой руки. Откашлявшись, он проговорил:

– Я тут поразмышлял над вашим открытием, и думаю, что существует несколько вариантов дальнейших действий.

– Согласна, – кивнула Девина. – Например, поехать в Нортумберленд.

Хьюм в ужасе отпрянул.

– Нет-нет! А как же мы... Я имею в виду – как же ваши занятия с Норой?

– Я уверена, что хорошая гувернантка сумеет с этим справиться.

– Я не хочу нанимать гувернантку. Я хочу, чтобы она получила настоящее образование.

– Думаю, что помимо меня существует много других женщин, которые сумеют обеспечить вашей дочери хорошее образование. Ведь это Лондон... К тому же я вовсе не сказала, что уезжаю уже завтра.

Хьюм с облегчением вздохнул и, немного помолчав, произнес:

– Знаете, я подумывал о газетном объявлении. Хорошо бы объявить о поиске бывших жителей того региона. Хотя бы несколько из них должны находиться в Лондоне. Возможно – намного больше. Я с радостью заплачу за объявление.

Похоже, от мистера Хьюма все же была какая-то польза. Однако...

– Я бы предпочла заплатить сама, – сказала девушка. – Но как это осуществить? Просто явиться в издательство и попросить разместить объявление?

– Я вам помогу. Нужно всего лишь написать текст объявления, а затем я сам его отнесу.

Какое-то время они обсуждали, куда стоило отнести такое объявление. При этом мистер Хьюм настоял на том, чтобы все контакты происходили через третье лицо, и порекомендовал торговца писчебумажными принадлежностями из соседнего магазина.

– Благодарю за совет, сэр. – Девина отодвинула стул и встала. – Пойду составлю текст объявления и сделаю несколько копий. Оставлю их на столе в библиотеке вместе с деньгами.

Хьюм тоже поднялся.

– Совсем ни к чему так спешить, мисс Маккаллум. Если мы хорошенько подумаем, то, возможно, придумаем еще что-нибудь толковое. У меня в голове уже вертится несколь-

ко идей...

«Что же это за идеи?» – подумала Девина.

А мистер Хьюм опять ласково посмотрел на нее.

– Сэр, я хочу закончить все сегодня вечером, а потом хорошенько отдохнуть, чтобы со свежими силами приступить к утренним занятиям с Норой. Возможно, вы поделитесь со мной своими идеями завтра.

– Как пожелаете. – Хьюм пожал плечами.

А Девина быстро поднялась по лестнице, чтобы написать объявление.

* * *

Два дня спустя, за завтраком, произошло два события, суливших Эрику далеко не самый приятный день.

Первое случилось, когда он листал «Таймс». Обычно он не очень внимательно читал объявления, но так как они, как правило, появлялись на первой полосе, то совсем их не заметить было невозможно. Вот и в этот день его взгляд упал на короткое объявление:

«Очень нужно связаться с любым человеком, когда-либо жившим неподалеку от Кэкследжа в Нортумберленде. Ответы с указанием адреса можно оставлять в магазине писчебумажных принадлежностей Монтегю на Норвич-стрит».

Норвич-стрит находилась совсем недалеко от дома Хьюма. Конечно, кто угодно мог пожелать связаться с кем-либо жившим когда-то в Нортумберленде, но Эрик подозревал, что знает, кто этот человек.

Второе событие оказалось еще более неприятным. Когда Брентворт читал почту, явился курьер с письмом – принес еще одно приглашение на аудиенцию у его величества, на этот раз – в три часа.

Эрик собирался посвятить вторую половину дня другим важным делам и с трудом поборол искушение выразить сожаление и отказаться. Увы, так не делалось, хотя очень хотелось отказаться. Так что без четверти указанного часа он вошел во дворец Сент-Джеймс.

И Хевершем его не встретил. Вместо него появился один из пажей, чтобы проводить к королю. Они пересекли просторный зал, затем миновали еще несколько комнат и, наконец, добрались до личной гостиной короля.

Его величество уже ждал там – во всей своей чрезмерной тучности, и выглядел недовольным – сидел мрачный, надув губы. При виде Эрика он еще больше помрачнел. После того как герцог Брентворт проголосовал против его развода, король не упускал случая продемонстрировать свою неприязнь.

Хевершем же, стоявший рядом с королем, приветливо улыбнулся и поклонился.

– Хорошо, что вы пришли, Брентворт, – изрек король. – У

нас тут сложилось неприятное положение, и нам требуется план, чтобы найти из него выход.

– Его величество имеет в виду прошение мисс Маккаллум, – подсказал Хевершем.

– Он знает, что я имею в виду, – проворчал король. – Верно, Брентворт?

– Да, я догадался, – кивнул Эрик. – Все-таки два приглашения за неделю... Но это дело не может быть настолько серьезным, чтобы так к нему относиться, ваше величество.

– Оно чертовски серьезно, – возразил король.

– Я думаю, герцог просто пошутил, ваше величество. – Хевершем что-то прошептал королю на ухо и добавил: – Брентворт вовсе не относится с легкомыслием к вашему беспокойству.

– Я могу сам за себя ответить, Хевершем, – заявил герцог. – Да, это очень серьезно. Когда кто-нибудь хочет отторгнуть земли от честно унаследованных мной владений, это в высшей степени серьезно.

Король определенно ждал не такого ответа. Он нахмурился и пробурчал:

– Вы унаследовали эти земли только потому, что мой отец отдал их тогдашнему Брентворту – вашему предшественнику. Но эти земли официально принадлежат короне, и мы имеем право даровать их или забирать.

– Прошло очень много времени с тех пор, как короли забирали земли у герцогов, не лишая их всех прочих имуще-

ственных прав, – проговорил Эрик. – Да-да, очень много времени... – Он посмотрел королю прямо в глаза и добавил: – Высшая знать вряд ли поймет такой ваш поступок, и я уверен, что ваши советники уже это вам объяснили.

Король явно смутился. И в замешательстве посмотрел на Хевершема. Но затем снова обрел грозный вид и проговорил:

– Имейте в виду, Брентворт, для нас все это очень серьезно. Мы не допустим, чтобы из-за крохотного клочка земли наше имя везде полоскалось. Или имя нашего отца! Она отправилась прямо к герцогине Страттон и рассказала ей обо всем, и кто знает, к чему это приведет: ведь герцогиня – владелица этого проклятого журнала, и у нее нет никакого понимания правил приличия. Она в какой-то статье обрушилась с критикой даже на собственную семью, поэтому ожидать от нее уважения к короне... В общем, сами понимаете.

– Герцогиня не будет публиковать сплетни и намеки, – возразил Эрик. – Это не в ее характере. Да и не пойдет на пользу ее журналу... Кроме того, могу сообщить: она обещала мне в порядке любезности не проявлять к этому делу никакого интереса до тех пор, пока оно не уладится.

– Слухи в любом случае поползут. Так всегда бывает...

– Как вам, возможно, известно, я терпеть не могу становиться объектом сплетен – так же как и вы, ваше величество. Но, к сожалению, я не могу заткнуть рот каждому сплетнику.

– Есть люди, которые нас не любят, – со вздохом пробормо-

мотал король. – Начнут шептаться – мол, мы не в состоянии сдержать свое слово. Начнут порочить нашу честь и имя нашего отца. Это должно быть... должно быть...

– Подавлено в зародыше, – подсказал Хевершем.

– Вырвано с корнем! – воскликнул король. Немного успокоившись, он снова повернулся к герцогу. – У нас есть неплохой план.

– В самом деле? – Эрик насторожился. – Надеюсь, он не заключается в том, что я должен просто отдать ей землю. Иначе каждый шарлатан в королевстве начнет сочинять истории и притязать на владения пэров. И я уверен, что вы не потребуете, чтобы я кланялся мошеннице.

– А если она не мошенница? – спросил Хевершем.

– У вас есть основания так думать?

– Она совершенно не похожа на мошенницу, вот и все.

Эрик тяжело вздохнул и, немного успокоившись, сказал:

– Что ж, давайте говорить откровенно. Если бы подобное требование исходило от мужчины, поведавшего двусмысленную историю, основанную на рассказах его отца, никто бы ему не поверил. Но красивая женщина... О, пусть она окажется лгуньей – все равно достойна доверия.

Король тотчас оживился.

– Так вы находите ее красивой? Мы – да. Но не в привычном смысле этого слова, – тут же добавил монарх.

– Красивая она или невзрачная – у нее все равно нет никаких доказательств. И поощрять ее не следует.

– Но вы назвали ее красивой...

– Ладно, хорошо, я нахожу ее привлекательной. А теперь можем мы вернуться к насущному вопросу?

Король выразительно взглянул на Хевершема.

– Брентворт считает ее красивой. Я же говорил тебе, что наш план сработает...

Эрик нахмурился.

– А что за план?

Король в упор посмотрел на Хевершема, и тот, откашлявшись, проговорил:

– Его величество думает, что есть способ быстро достигнуть компромисса касательно ее притязаний. Причем вам это ничего не будет стоить.

– Что это значит? – проворчал герцог. – Что имеется в виду?

– Отдайте ей половину, чтобы она удовлетворилась.

– Если вы имеете в виду половину моей земли, то я отказываюсь, – заявил Эрик. – Неужели никто не видит, какой опасный прецедент может получиться?

Герцог пытался говорить ровным голосом, но, как это часто случалось с королем, тот начинал злиться.

– Не половину земли, нет, – сказал Хевершем. – Наш план заключается в том...

– Хватит ходить кругами! – Король подался вперед, упершись ладонями в колени. – Все уладится очень аккуратно, если вы женитесь на ней, Брентворт.

Эрик молча уставился на монарха, а тот продолжил:

– Вам ведь уже давно пора жениться. Так почему бы не на этой красивой женщине?

Эрик по-прежнему молчал. Король снова взглянул на Хевершема, и тот проговорил:

– Видите ли, если она все-таки сможет доказать правомерность своих притязаний, то это не будет иметь значения, если вы на ней женитесь: ведь ваши земли уже будут объединены, – а если вдруг окажется, что она действительно баронесса...

– То, что шотландцы позволяют женщинам наследовать титулы, – безумие, но нам от этого никуда не деться, – вмешался король. – Но это не будет иметь значения, если вы поженитесь, верно? Собственно, так даже лучше. Голубая кровь с обеих сторон.

– А если она не баронесса, а всего лишь лживая негодяйка? – спросил Эрик.

Король потупился и подтолкнул локтем Хевершема. Тот пожал плечами и пробормотал:

– Есть серьезные основания считать, что это не так: к примеру – то письмо от покойного короля, а также – ее имя. То есть весьма вероятно, что она права в своих притязаниях.

«Пора разделаться с этим их планом», – сказал себе Эрик и решительно заявил:

– Я ничего не знаю об этой женщине. Не думаю также, что есть возможность убедиться в ее правоте. В любом случае

у меня нет ни малейшего желания на ней жениться. Придумывайте другой план.

Король нахмурился и проворчал:

– Ничего о ней не знаете? Что ж, я тоже ничего не знал о своей жене, когда ее для меня выбрали. Не стоит беспокоиться из-за таких вещей. Долг – вот что главное. – Король скорчил гримасу. – Помнится и вы тогда не проявили ко мне никакого сочувствия, так что не рассчитывайте сейчас на мое сочувствие. Вам придется на ней жениться.

– Ваше величество, вы не можете этого потребовать, – заявил герцог. – Я не допущу, чтобы мой брак превратился в удобное решение проблемы, которую вы сами же и создали.

– Я ваш король, черт побери!

– А я – герцог Brentworth.

– А раз так, это ваш долг...

– У меня долг перед короной, а не перед вашими прихотями. – Эрик поднялся. – С вашего позволения я вас покину. И повторяю: придумайте другой план.

– Мы больше не будем принимать вас, если вы не сделаете так, как мы сказали! – заорал король, когда Эрик подошел к двери. – Вас больше не допустят ко двору, к нашему трону! И все светское общество будет знать, что вы у нас в немилости!

– Делайте что хотите, ваше величество, только не забудьте: когда общество узнает о вашей ко мне немилости, будет уместно сообщить ему и о причине.

Эрик гордился своим ясным мышлением. Его рассуждения по любому вопросу отличались логикой и здравым смыслом. Поэтому для него оказалось в высшей степени неприятно обнаружить, что в течение следующих нескольких часов в голову ему приходили одни только ругательства.

Разговор с королем мог бы показаться забавным, не будь он настолько неприятным. С чего тот решил, что обладает властью приказывать, на ком и когда должен жениться герцог? Ведь сейчас не Средневековье. Но, увы, не было никаких сомнений, что все окружавшие короля лизоблюды молча подчинялись малейшим его желаниям, – вот он и решил, что и все остальные такие же. Но он Эрик Brentворт, черт побери! Да, он Brentворт! Его подвергнут остракизму при дворе? О, каким желанным отдыхом это будет!

Жениться на этой мошеннице? Нет, ни за что! Да, конечно, ему нужно жениться, причем – уже давно. Но он собирается заняться этим в следующем сезоне. Выберет какую-нибудь добропорядочную девушку – и дело с концом. Но не по команде короля!

А может, король сходит с ума – как и его отец? Или это просто отчаянный поступок монарха, предвидевшего, как над ним будут насмехаться сотрапезники на званых обедах?

Вечером герцог все еще метался по дому, изрыгая всевозможные проклятия, потом, наконец, позвал лакея и отправил отнести Страттону письмо. Спустя полчаса приятель стремглав ворвался в библиотеку.

– Брентворт, ты заболел?

Эрик со вздохом покачал головой.

– Нет, если не считать лихорадку бешенства.

– Твоя записка... такая расплывчатая... *«приходи немедленно, если можешь»*. – Страттон развел руками. – Ты никогда раньше такого не писал. Я подумал... подумал: может, на тебя что-то обрушилось... Черт, я даже не стал дожидаться, когда мне оседлают коня, отправился пешком, точнее – бежал всю дорогу!

– Прошу прощения, – пробурчал Эрик. – Но в каком-то смысле на меня действительно кое-что обрушилось. Когда ты все узнаешь, то поймешь.

– И у меня тоже начнется лихорадка бешенства?

– Я очень надеюсь, что ты приведешь меня в чувство и я смогу посмеяться над случившимся. – Эрик снова вздохнул и указал на графины со спиртным.

Страттон налил себе виски и проговорил:

– Если ты послал и за Лэнгфордом, то его не жди. Он пошел на какой-то прием и получит твое письмо очень поздно.

– За ним я не посылал. Ему это слишком понравилось бы. Тогда мне пришлось бы его поколотить, и вечер закончился бы плачевно.

– Если ему это понравится, то я, возможно, буду смеяться – даже если ты так и не развеселишься. Но что же случилось?

– Сегодня я виделся с королем. По его просьбе. Касательно мисс Маккаллум.

– И разговор прошел не очень хорошо? – осведомился Страттон.

– Да, именно так. Видишь ли, король разработал хитрый план. Нашел способ отменить все свои обязательства. А решение очень простое – приказал мне жениться на этой женщине. И при этом он совершенно не шутил. Говорил абсолютно серьезно, как и этот никчемный Хевершем.

Губы Страттона подергивались, но он не рассмеялся.

– И что ты на это ответил?

– Что я ответил? Проклятье! Разумеется, я отказался.

Эрик пересказал свой разговор с королем. Внимательно выслушав его, Страттон встал, налил себе еще виски, затем снова сел и, немного помолчав, проговорил:

– Значит, ты напомнил королю, что он не обладает властью отдавать подобные приказы, к тому же вышел из себя.

– Нет, не совсем. Я старался сдерживаться, но все же говорил немного резковато. Пожалуй, даже слишком резко, – со вздохом добавил Эрик.

– Это на тебя не похоже. Совсем не похоже. Ничего подобного я от тебя не ожидал. Брентворт, которого я знаю, выслушал бы, пообещал подумать, затем отправился бы домой и придумал свой собственный хитроумный план. – Страттон внимательно посмотрел на друга. – Так почему же ты повел себя столь неосмотрительно?

Эрик досадливо поморщился.

– Полагаю, он просто застал меня врасплох.

– Это тоже на тебя не похоже. Хочешь совет? Но я не осмеюсь давать его тебе, если ты не скажешь, что он тебе нужен. Не обижайся, но в этой истории ты ведешь себя как безумец.

– Я вовсе не безумец, – буркнул Эрик.

– Да, верно. Но ты ведешь себя совсем не так, как тот человек, которого я знаю почти всю свою жизнь. Хорошо, что ты не позвал Лэнгфорда, потому что он завел бы на эту тему разговоры, которые тебе бы точно не понравились. – Страттон подался вперед. – Но ты и сам это знаешь, поэтому и не стал его приглашать.

– Ты здесь вместо него, потому что можешь дать лучший совет. И я действительно хочу его услышать.

– Во-первых, извинись перед королем. Вежливое письмо вполне подойдет. А иначе не будет тебе больше никаких консультаций у министров. Никакой невидимой руки в решении государственных вопросов. Никакой правительственной поддержки законопроектов, в которых ты особенно заинтересован. Король – это все же король, и при желании он может заставить подданных ощутить свою власть. Он редко делает это, поскольку ленив, но все равно может. Но, разумеется, ты и сам это знаешь.

Эрик молча кивнул. Да, он это знал. Проклятье!..

– Но надеюсь, ты не ожидаешь, что в этом письме с извинениями я капитулирую и соглашусь жениться на этой женщине.

– Если бы ты вел себя как Брентворт, которого я знаю,

я бы именно этого и ждал. Тебе ведь действительно нужно жениться. Так почему не на ней, если это решит проблему тех земель? Ты же никогда не ожидал любви в браке, даже не хотел ее. Так что какая тебе разница, на ком жениться?

– Да будь я проклят, если...

Страттон вскинул руку, призывая друга помолчать.

– Я уже понял, что ты отвергаешь эту идею, поэтому ничего такого тебе не советую. Однако в своем письме можешь заверить короля, что найдешь другой способ умиротворить ее. А затем тебе только и потребуется, что найти такой способ.

Эрик подошел к окну, отдернул штору и посмотрел в уличную темноту. Умиротворить ее? Что ж, возможно, он сумеет найти способ сделать это, как бы ни бесила его мысль, что придется умиротворять мошенницу.

И едва лишь Эрик подумал об этом, как на него снизошел покой. Хорошо, что он позвал Страттона. В последнее время он был сам на себя не похож – особенно в тех случаях, когда думал о мисс Маккаллум. А ведь это и впрямь совсем простое дело, если подойти к нему рационально. Он не раз составлял в высшей степени сложные дипломатические ответы в критических для королевства случаях. Уж наверное, он с легкостью справится и с мисс Маккаллум.

– Я бы сказал, что очень странно быть человеком, дающим тебе советы, – произнес сидевший на диване Страттон. – Обычно все происходит наоборот.

– Однако ты помог мне больше, чем можешь себе представить, – отозвался Эрик, глядя на уличные фонари. Внезапно он заметил, что один из них изменил положение, – это оказался не уличный фонарь, а лампа на карете. И судя по тому, как она раскачивалась, карета ехала довольно быстро.

– Разумеется, Лэнгфорд бы сказал, что ты, Брентворт, ведешь себя в несвойственной тебе манере лишь потому, что находишь эту женщину привлекательной, и...

– Лэнгфорд иногда настоящий осел, – перебил Эрик.

А лампа тем временем приближалась и с каждой секундой становилась все больше. Затем, к величайшему удивлению Эрика, карета остановилась перед его домом. Тотчас же открылась дверца, и из экипажа выпрыгнул мужчина.

Спустя две минуты дверь библиотеки распахнулась, и в комнату ворвался Лэнгфорд. Заметив Страттона, он на мгновение остановился, затем быстро подошел к хозяину дома и заявил:

– Я приехал как только смог, чтобы сказать тебе...

– Сказать что? – перебил Эрик.

– Все выплыло наружу. Надо полагать – везде. Тема обсуждалась на званом обеде. Я заставил Аманду притвориться заболевшей, чтобы мы смогли уйти. Я отвез ее домой, а потом – сразу к тебе.

– Что именно выплыло наружу?

– Ты и мисс Маккаллум. Ее притязания на те земли. Насколько я понимаю, утром об этом будут говорить повсюду. –

Выпалив все это, Лэнгфорд спросил: – А ты что здесь делаешь, Страттон?

– Зашел в гости.

Лэнгфорд шагнул к графинам с напитками.

– Что ж, хорошо, что и ты здесь. Нужно что-то придумать.

– Мне не нужна твоя помощь, – буркнул Эрик.

– Конечно, нужна. – Лэнгфорд повернулся к друзьям со стаканом в руке и уселся в кресло. – Тебе, Брентворт, придется найти какой-то способ откупиться от нее, если ты не хочешь стать объектом сплетен и вынюхивания на следующие полгода.

Сплетни? Вынюхивание? Эрик вздохнул. Со сплетнями-то он жить сможет, а вот вынюхивания точно не хочет, в особенности – насчет тех земель.

– Брентворт, хочешь услышать мой совет? – спросил Лэнгфорд.

– Нет.

– Хочет-хочет, – возразил Страттон. – Говори же...

Лэнгфорд вытянул перед собой ноги и сделал глоток виски.

– Насколько я понимаю, ты хочешь, чтобы леди была сговорчивой и готовой к компромиссу. Пока она враг, ты от нее этого никогда не дождешься. Она всегда будет начеку, будет подозревать, что ты ищешь возможность использовать любое свое преимущество. Что, разумеется, даст преимущество ей.

– Ты всегда так много болтаешь, составляя планы? – съязвил Эрик.

Проигнорировав его слова Лэнгфорд продолжал:

– Так как же превратить врага в друга? Я спрашиваю тебя, Страттон: скажи, как ты проделал это с Кларой? Ну, не стесняйся, расскажи Брентворту, как это делается.

Страттон покосился на Эрика и пробормотал:

– А ведь он прав...

– Когда дело касается женщин, я, как правило, бываю прав, – с чувством глубочайшего удовлетворения произнес Лэнгфорд. – Это именно то, что тебе нужно, Брентворт. Подружись с ней. Очаруй ее. Поцелуй. Черт возьми, соблазни ее, если потребуется! А иначе в дела самого скрытного герцога в мире все желающие будут совать нос до тех пор, пока ад не замерзнет.

Глава 7

Два дня спустя, написав и отправив письмо королю, Эрик вновь подошел к дому Хьюма. «На этот раз – никаких ссор», – говорил он себе, глядя на входную дверь. Да-да, никаких ссор – даже если эта женщина начнет его раздражать, даже если будет провоцировать. Более того – никаких споров.

Экономка опять проводила его в библиотеку, и опять Ангус Хьюм появился там первый.

Эрик поклялся не ссориться с мисс Маккаллум, а вот Хьюм – совсем другое дело.

– Нам снова оказана великая честь, – произнес мистер Хьюм.

– Я дождался двух часов, чтобы на сей раз не отвлекать ее от занятий.

– Какая любезность... И все же я полагаю, что мисс Маккаллум не сразу к нам присоединится. Женщины, их тщеславие – и все такое...

– Она не произвела на меня впечатление тщеславной особы. Тем не менее ваше мнение принято к сведению. – Герцог повернулся к книжному шкафу и сделал вид, что рассматривает корешки. – Могу ли я поблагодарить вас за то, что позволили просочиться слухам о нашем с ней деле?

– Все это куда значительнее, чем просто дело, вы не нахо-

дите?

– Мой вопрос остается в силе независимо от того, какое слово тут использовать, – отозвался Эрик.

За его спиной воцарилось молчание, но через несколько секунд послышался отчетливый голос Хьюма:

– Король не выполнил свое обещание, но теперь, когда светскому обществу все известно, он будет вынужден это сделать.

– Вы только усложнили дело, поступив весьма недально-видно. Прежде всего препятствием был не король, а я. А я никаких обещаний не давал, потому и обязательств у меня нет.

– Король может заставить вас уступить...

– Я герцог Brentворт, и он бы никогда на такое не осмелился. – Эрик наконец повернулся к Хьюму. – А у вас тут какой интерес?

– Она живет в моем доме и является моей подопечной. Я несу за нее ответственность.

Эрик брезгливо поморщился. Негодяй явно узрел, что может извлечь какую-то пользу, помогая этой женщине.

– А она знает, что вы наделали? Знает, что вы превратили ее в объект сплетен и шепотков? Ведь теперь многие будут называть ее мошенницей и шарлатанкой, которой место в тюрьме.

– Это пройдет, – отозвался Хьюм. – Зато она вернет себе те земли, и все вскоре узнают, как и почему ее семья их

потеряла. Шотландия же возликует, когда мисс Маккаллум возьмет над вами верх.

– Очень уж жалкая будет победа... – проворчал герцог.

– Не такая уж жалкая. Как правнучка героя тысяча семьсот сорок шестого года эта женщина станет знаменитостью. Выйдет за кого-нибудь из равных себе – и будет баронессой.

Эрик не стал спрашивать, кого из шотландцев Хьюм представлял завидной партией для мисс Маккаллум. Скорее всего первым в списке числится он сам.

И снова герцог почувствовал, что его охватывает гнев. Ох, Страттон пришел бы в ужас... Эрик глянул в сторону двери, надеясь, что сейчас она распахнется и он будет избавлен от присутствия Хьюма.

Дверь действительно распахнулась, но открыла ее вовсе не мисс Маккаллум. В библиотеку вошла пожилая женщина, опиравшаяся на трость.

– Милорд, позвольте представить вас моей матери, – сказал Хьюм.

Эрик невольно вздохнул. Не ожидал ли Хьюм, что он начнет светский разговор с его матерью – как будто пришел с визитом именно к ней? К счастью, обменявшись с сыном несколькими словами, старуха прошла в дальний угол и усеялась в кресло.

– Я знаю, вы не будете возражать, если она какое-то время посидит в библиотеке, – сказал Хьюм. – На улице вот-вот пойдет дождь, поэтому в сад выйти не получится. И не бес-

покойтесь, милорд. Моя мать вас не подслушает. Она глуха на одно ухо.

Что ж, присутствие старухи гарантировало, что визит обойдется без скандала, поэтому Эрик возражать не стал.

Минуту спустя мисс Маккаллум наконец-то появилась. Одарив гостя едва заметной улыбкой, она многозначительно посмотрела на мистера Хьюма. Тот пробормотал извинения и вышел.

Заметив миссис Хьюм, сидевшую в углу, девушка тихо сказала:

– Приношу свои извинения, ваша светлость, но этого избежать невозможно. – Она показала на кресла, стоявшие в противоположном углу. – Давайте присядем там, если вы не против.

Когда она села, из выходящих на улицу окон на нее заструился рассеянный свет, превративший ее волосы в серебристое золото, а глаза – в насыщенные сапфиры. На ней было то же самое бледно-желтое платье, что и в прошлый раз. Скучный гардероб. Что ж, ничего удивительного, что ей так хотелось заполнить эти земли.

По причинам, которые Девина постичь не могла, герцог не пустился в объяснения о целях своего визита. Вместо этого он просто сидел и смотрел на нее. «Оценивает», – решила она. Но ведь для этого у него было достаточно времени раньше... А может, он и в самом деле тугодум?

– Полагаю, вы пришли по поводу моего наследства, – сказала она, прерывая затянувшееся молчание.

– В основном я пришел, чтобы предупредить вас: все надежды на конфиденциальность утрачены. Сегодня ваши притязания обсуждаются в гостиных по всему городу. И это будет продолжаться еще некоторое время.

Девина проглотила едва не вырвавшееся ругательство. Ох, а ей так хотелось избежать огласки! Тихо вздохнув, она пробормотала:

– Но я никому ничего не рассказывала...

– Я этого и не думал. Даже герцогиня Страттон не знает подробностей – лишь общий смысл. Думаю, это сделал человек, который решил, что сумеет таким образом подпалить королю пятки. Ошибочное предположение.

– Да, верно, – кивнула девушка.

Герцог взглянул на миссис Хьюм, а его собеседница негромко сказала:

– Кажется, что она спит, но это не так. К тому же... хоть на одно ухо она глухая, но другое-то слышит очень хорошо.

– Мне все равно. – Эрик пожал плечами. – Пусть слушает, если хочет. И пусть повторит все услышанное своему сыну. Это он распространил повсюду историю о вашем деле. И признался в этом до того, как вы пришли.

Девина уже и сама обо всем догадалась. Кто же еще мог это сделать? Тихо вздохнув, она сказала:

– Он хотел мне помочь.

– Он хотел помочь самому себе. У него имеются кое-какие планы... – Эрик немного помолчал, затем добавил: – Но, думаю, вы и сами это знаете.

Девина почувствовала, что краснеет.

– Мои собственные планы весьма просты, милорд, и только это имеет для меня значение.

– Разумеется, не мое дело расспрашивать, но... – Герцог снова помолчал. – Надеюсь, он не... Думаю, мистер Хьюм считает вас не просто учительницей. Видите ли, женщина в вашем положении очень уязвима, и он...

Эрик в смущении умолк. Внезапно ему показалось, что сюртук стал слишком тесен. Девина же, заметив его смущение, мысленно улыбнулась, уверенная, что такое с герцогом случалось крайне редко. О, да ей никто не поверит ей, если она расскажет об этом!..

Выдержав паузу, девушка проговорила:

– Мне известно о его интересе, милорд. Но у меня другие планы, и Хьюм об этом знает. И он никоим образом не оскорблял меня в том смысле, которого вы, как я полагаю, опасаетесь.

Эрик пожал плечами.

– Что ж, очень хорошо. Но если что-то изменится, если он... В общем, вы должны кому-нибудь об этом рассказать. Например, герцогине Лэнгфорд. Мне говорили, что вы с ней дружите.

– Разумеется, я так и сделаю. Значит, вы пришли, чтобы

предупредить меня о сплетнях и о планах моего нанимателя? Очень мило с вашей стороны.

– Да, я пришел, чтоб предупредить вас о сплетнях. Что же касается вашего нанимателя, то это с моей стороны внезапный порыв.

– А я-то думала, с вами никогда никаких порывов не случается.

Эрик досадливо поморщился.

– Они не так уж часты. Но скажите, откуда вы его знаете?

– Нас представили друг другу на собрании. Историческом, чтобы вы не решили, что я разделяю его политические взгляды.

– А я думал, Хьюм посещает только политические митинги.

– У этого исторического общества имеется особая цель. Его миссия – восстановить историю Шотландии, чтобы она не затерялась во всех этих романтических идеях, ставших столь популярными.

– Публике нравятся эти идеи. Отсюда их популярность.

– Да пусть себе развлекаются сколько хотят, пусть носят плоды сколько душе угодно, лишь бы настоящая история не пришла в упадок. Истина всегда лучше, вам не кажется?

– Трудно с вами не согласиться, мисс Маккаллум, однако на некоторых отрезках истории, пусть они и правдивы, лучше не застревать.

– Я и не застреваю. Просто чту их.

Герцог посмотрел на нее так, словно хотел что-то сказать, но в последний момент передумал. Возможно, решил сегодня избегать споров.

– Я рада, что вы пришли с визитом, ваша светлость. Это дает мне возможность сообщить вам, что я нашла еще кое-какие доказательства.

Как ни странно, ее собеседник не насторожился – скорее наоборот, расслабился, вытянув перед собой длинные ноги. И эта поза свидетельствовала о полнейшем его спокойствии. Хм... действительно странно.

– В самом деле?.. – протянул он. – И я смогу узнать, какие именно?

– Я познакомилась с человеком, который помнит моего деда и помнит, что его называли бароном те, кто знал его с детства.

– Возможно, это всего лишь из-за его поведения, манеры держаться.

– А может – из-за его прошлого.

– Тот человек, что помнит его, – сказал ли что-либо про его прошлое, дал ли вам основание поверить ему?

Девина молчала. Ей ужасно хотелось солгать, хотелось с самодовольным видом объявить, что сапожник целый час радовал ее рассказами да еще и показал письмо от своего отца, в котором детально все описывалось. Это хотя бы на минуту-другую сбilo спесь с гордого герцога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.